
Ирина Лобусова

диббук с Градоначальницей

Одесса

РОМАН «ДИББУК С ГРАДОНАЧАЛЬНИЦКОЙ»
ДЕВЯТЫЙ В СЕРИИ «РЕТРОРОМАН»,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ЖИЗНИ ОДЕССЫ

• • •

...1929 ГОД. В ОДЕССЕ БЕСЧИНСТУЕТ БАНДА АЛМАЗНОЙ — ДЕРЗКИЕ, ПРОСТО СРЕДИ БЕЛА ДНЯ ОГРАБЛЕНИЯ БАНКОВ И ЗАЖИТОЧНЫХ ГРАЖДАН, МНОЖЕСТВО ТРУПОВ... ГОРОД В УЖАСЕ. А НАСТОЯЩАЯ ТАНЯ АЛМАЗОВА, ЧЬИМ ИМЕНЕМ ПРИКРЫВАЕТСЯ САМОВАНКА, ВОЗГЛАВИВШАЯ БАНДИТОВ, ДУМАЕТ, КАК ЭТО ОСТАНОВИТЬ. ПРОВОДЯ СОБСТВЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ, ОНА УЗНАЕТ, ЧТО В ЕВРЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ СУЩЕСТВУЕТ ПОНЯТИЕ «ДИББУК». ЭТО ЗЛОЙ ДУХ, КОТОРЫЙ ПРЕСЛЕДУЕТ ЖИВЫХ, ВСЕЛЯЕТСЯ В НИХ. ПРИ ПОМОЩИ ВОЛОДИ СОСНОВСКОГО ТАНЯ ДОЛЖНА ЭТОТ МИФ РАЗРУШИТЬ...

FOLIO

Ирина Игоревна Лобусова

Диббук с Градоначальницей

Серия «Ретророман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44776227

Диббук с Градоначальницей / Ирина Лобусова; лит. ред. Р. Е. Панченко; худож.-оформитель Е. А. Гугалова-Мешикова: Фолио;

Харьков; 2019

ISBN 978-966-03-8597-9

Аннотация

...1929 год. В Одессе бесчинствует банда Алмазной – дерзкие, просто среди бела дня ограбления банков и зажиточных граждан, множество трупов... Город в ужасе. А настоящая Таня Алмазова, чьим именем прикрывается самозванка, возглавившая бандитов, думает, как это остановить. Проводя собственное расследование, она узнает, что в еврейской мифологии существует понятие «диббук». Это злой дух, который преследует живых, вселяется в них. При помощи Володи Сосновского Таня должна этот миф разрушить...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	71
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ирина Игоревна Лобусова
Диббука с
Градоначальницей
Роман

© И. И. Лобусова, 2019

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное
оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2015

Глава 1

Убийство в трущобах Молдаванки. Головная боль следователя Петренко. Лунный камень

Стекла были грязны настолько, что в них не проникал солнечный свет. Разводы от дождя, пыль, копоть – все слилось в такие причудливые узоры, что казалось – на стеклах расцветают невиданные, фантастические цветы, темные, как и все в этом унылом месте.

Несмотря на то что комната находилась довольно высоко над землей, всех собравшихся в ней не покидало устойчивое ощущение, что они находятся в подzemелье. Этот дом был настолько причудлив по своей конструкции, так архитектурно изломан, что на одном уровне находились комнаты, расположенные, по существу, на первом и втором этаже, а кроме того, и высокий бельэтаж – причудливо сооруженный между этажами и считавшейся жилым помещением.

Такой особенностью обладали почти все трущобы Молдаванки, построенные, расширенные и переоборудованные под жилье в таком хаосе, что в этом не разобрался бы никакой архитектор, даже с самой большой фантазией, обнаруженный в каком-нибудь Богом забытом уголке мира и возжелавший обессмертить свое имя.

Если проще, то это был дом в самом сердце трущоб, где два флигеля были соединены коридором, а потом с помощью фанеры, картона и кирпичей там были сделаны перегородки, позволяющие нарезать пространство под своеобразные жилые соты, по сравнению с которыми более комфортабельной и уютной выглядела самая ветхая собачья конура.

Следователь Петренко отдернул с окна рваную клетчатую штору, посмотрел рассеянно на две чахлых герани, почти засохших на покосившемся щербатом подоконнике, и тяжело вздохнул. Все здесь было сто раз видено и знакомо, в этих изломанных, с детства привычных лабиринтах Молдаванки, знакомо до тошноты.

В коридоре, который терялся в глубинах дома, по обеим сторонам находились двери нор, которые сдавались под жилье. Впрочем, жильем это было назвать сложно. Это была именно нора. Какие мысли могли одолевать человека, вынужденного с утра до ночи существовать в этих унылых трущобах, куда не проникал солнечный свет? По своему опыту следователь Петренко уже знал: мысли самые низменные и жестокие. Только криминал, причем без края и конца, к чему неизменно приводила попытка вырваться из этой убогой бедноты. Способ и цена такого побега никогда не играли никакой роли – обитатели здешних трущоб были готовы на все.

Трудно представить, но нора, в которой сейчас оказалась следственная группа, была даже чуть лучше остальных. Она состояла из двух смежных клетушек. Первая, без окна, была кухней, то есть являла собой деревянные ящики с нищенской утварью и закопченную керосинку. В углу над сливной трубой, общей на весь дом, было пристроено нечто вроде раковины, на которой лежал сухой серый обмылок.

Это мыло не мылилось, от него не было пены, и в трущобах его использовали исключительно для мытья посуды. От осклизлой раковины и отверстия сливной трубы шел мерзкий запах – обычное дело в таких жилищах.

Однако здесь, в этой конуре, запах был не совсем обычным. Кровь пытались наскоро смыть в сливное отверстие, что не удалось, потому как стоки работали плохо, а убийца очень спешил, поэтому просто размазал ее по стенкам, где

она успела загустеть и застыть.

Входная дверь в конуру шла как раз в эту пристройку – кухню, по размеру такую, что поместиться в ней мог только один человек.

Дальше виднелась покосившаяся дверь в так называемую спальню – клетушку чуть побольше, даже с двумя окнами, выходящими в соседний двор. Окна, как уже упоминалось, были страшно грязными. На втором не хватало стекла, вместо него вставили фанеру, что еще больше подчеркивало убогость окружающей обстановки.

В простенке между окнами возле стены тем не менее стоял кожаный диван с полкой. Такие диваны только-только стали входить в обиход и представляли собой верх роскоши даже для зажиточного мещанского быта. Он совсем не вязался с окружающей обстановкой, не подходил к ней, нарушал ее. Но он все-таки находился здесь, черным блестящим монстром нелепо застыв посреди комнатухи, заполняя ее собой, словно нарушая все существующие условности.

На полочке над диваном стояли слоники – розоватые фарфоровые слоники, ровно семь штук. И стояли они не просто так, а на кружевной белоснежной салфетке, резко контрастирующей с грязно-серыми стенами, где в некоторых местах покрытая пятнами штукатурка успела облезть.

А на самом диване, прямо на блестящем покрытии из черной прессованной кожи лежал труп. Это была совсем молодая женщина – лет двадцати, не больше. Она лежала на спи-

не. Ноги сползли на пол, руки были раскинуты по сторонам. Ухоженные пальцы левой руки упирались в кожаную стенку дивана.

Девушка была почти без одежды, на ней была надета лишь бежевого цвета комбинация. Под коленями свернулись спущенные фильдеперсовые чулки. Небрежность и странность этой одежды поневоле наталкивала на мысль, что тело одели уже после смерти, поэтому убийца не счел нужным ни поправлять комбинацию, ни крепить чулки к поясу, ни вообще его добавлять.

Убитая лежала так, как будто ее сильно толкнули на диван и, не сумев удержать равновесие, она упала. Может, даже не успев удивиться.

Впрочем, успела ли девушка удивиться, никто из следственной группы не знал – головы у трупа не было. Она была отделена от тела, по заключению судмедэксперта, острым мясницким ножом. В квартире голова найдена не была.

Только по нескольким личным фотоснимкам плохого качества, найденным в тумбочке возле дивана, можно было определить, как выглядела хозяйка квартиры.

Петренко внимательно наблюдал за работой эксперта и за обыском, который методично проводился в комнате, прислушиваясь к унылому голосу следователя прокуратуры, диктующему протокол осмотра места происшествия. Сам Петренко очень любил именовать себя тоже следователем, хотя был на самом деле начальником уголовного розыска и второй год

возглавлял особый отдел местного уголовного розыска – отдел по борьбе с бандитизмом.

Назначили Петренко на столь серьезную должность после того, как он весьма успешно сумел разгромить одну из банд, втеревшись в доверие к главарю и лихо устроив засаду, в которую угодили почти все бандиты.

Члены банды получили высшую меру – расстрел, а Петренко – новое назначение, на котором сразу стал проявлять свое лихое рвение. Годы были смутными, и только благодаря этому он занял столь высокий пост, который при других обстоятельствах был бы совершенно недоступен для него в силу его молодого возраста и незаконченного высшего образования.

– ...точно не старше 23-х лет, – продолжил медэксперт начатую ранее фразу, обращаясь к Петренко.

– А вдруг 25? – прищурился тот, привыкнув сомневаться в каждом слове.

– Нет, – эксперт покачал головой, – после 25 лет ткани начинают терять эластичность, кости подвергаются некому закаменению... Конечно, точно я скажу после вскрытия, но пока уверен.

– У нее был мужчина? – спросил Петренко, бросив неодобрительный взгляд на фривольный наряд мертвой девушки, которая никак не соответствовала облику советской сознательной гражданки.

– Она не девственница, если вы это имеете в виду, – сразу

отозвался эксперт, – а насчет любовника, был ли он в квартире... По результатам первичного осмотра – полового акта перед смертью у нее не было.

– Как это можно определить? – хмыкнул кто-то из оперативников.

– Ну уж поверьте, можно, – эксперт бросил из-под очков на говорившего неодобрительный взгляд. – Это вам медицина, а не пошлые картинки!

– Выходит, дамочка вырядилась так не для любовника... – вздохнул Петренко.

– Уж точно не для любовника! – тут же отозвался эксперт. – Гляньте-ка, что ваш орел в тумбочке нашел! Кружевные подвязки для чулок. Французские, между прочим. Контрабанда. Стоят целое состояние. И смотрятся очень красиво. Нет, если б она любовника в гости ждала, мужчину, то вырядилась бы по всей форме.

– Ну, какой-то мужчина все-таки ей отрезал башку, – хмыкнул следователь прокуратуры, привыкший всегда и везде строить из себя начальство, – которую вы не нашли, между прочим... Вот доложить бы, куда следует, как работаете.

В комнате застыло тревожное молчание, но Петренко не испугался. Он прекрасно понимал, что прокурорский сотрясает воздух просто так, ведь обвинить их – означало обвинить самого себя.

– Нашел! – вдруг раздался голос кого-то из оперативников. – Вот оно, удостоверение личности. В сумке в шкафу

прятала.

Петренко взял в руки документ. Иванько Светлана Николаевна, уроженка села Крыницино Николаевской губернии (области), 9 августа 1906 года рождения. В сумке также оказалась справка с места работы. Гражданка Иванько работала посудомойкой в столовой завода «Продмаш».

– 23 года, в точку, – сказал он, внимательно изучая найденные бумаги, – справка про работу, похоже, фальшивая. Я уже с такими сталкивался. Их специально штампуют, чтобы не обвинили в тунеядстве, продают за хорошие деньги.

– Посудомойка, как же! – хмыкнул эксперт. – Вы на пальчики ее поглядите! Маникюр. Похоже, дамочка легкого поведения.

– Это точно, – снова отозвался кто-то из оперативников, – вы посмотрите только!

Отодвинув в сторону засохшую герань, оперативник вывалил то, что нашел в одном из ящиков шкафа. Там была достаточно большая сумма червонцев, американские доллары, золотые и серебряные монеты, а также несколько старинных золотых монет еще царской чеканки.

– Да уж, – произнес прокурорский, вместе с Петренко рассматривая найденную коллекцию. – Валютчица?

– Нет, вряд ли, – Петренко покачал головой, – купюры мелкие. И вот, видите – здесь доллар потерт, валютчики такие в работу не возьмут. Да и сумма небольшая для валютчицы. Судя по всему, проститутка.

– Асоциальный элемент, – нахмурился прокурорский, – и как участковый пропустил?

– Да бросьте! – резко отозвался Петренко, который терпеть не мог лицемерия. – Можно подумать, вы не знаете, что в портовом городе полно проституток! И кому они деньги платят, тоже не знаете!

Следователь прокуратуры нахмурился, но предпочел не отвечать. Зачем ссориться? Петренко был сейчас у начальства в чести. К тому же не стоило заводить весь этот сыр-бор из-за какой-то проститутки.

О профессии погибшей свидетельствовали и другие вещи, найденные в жилище. Странно выглядевшее здесь тонкое кружевное белье, вечерние платья, контрабандная косметика... Все это, вываленное прямо на пол, стоило когда-то немалых денег. Теперь же смотрелось жалко и убого, как и полураздетый труп, лежавший в нелепой позе, раскинувшийся на символе мещанской роскоши, под слониками для удачи. Этих слоников и диваны осуждали со всех сторон, но никто не хотел обходиться без них – в точности, как эта убогая уроженка села, с горечью подумал Петренко.

Он все не мог оторвать глаз от ужасающе грязных окон, словно определенного символа такой вот полукриминальной жизни, которая с любыми деньгами все равно заставляет пребывать на дне. Трущобы Молдаванки были таким дном. А закопченные стекла были особенностью этих трущоб – их здесь не мыл никогда и никто.

Петренко вспомнил свою бабушку. Как она говорила? Ангелы не залетают в такие окна. Они даже не заглядывают в них. Но это было неправдой – ангелы не залетали и в чистые и сияющие стекла роскошных хором. Петренко давно не верил в ангелов. Трудно было верить после такого вот трупа с отрезанной головой.

Он восстанавливал в памяти момент, когда поступил этот вызов. В милицию позвонил сосед из комнаты напротив, который сказал, что слышит жуткие вопли и грохот передвижаемой мебели. Приехавший наряд милиции обнаружил этого соседа в сильнейшем алкогольном опьянении. Он нехотя признался, что позвонил в милицию специально, чтобы насолить молодой и привлекательной соседке, которая всегда смеялась над ним и не желала разговаривать.

Стало понятно, что сосед начудил на пьяную голову. Однако приехавшие милиционеры решили позвонить к соседке и удостовериться, что все в порядке. Каково же было их удивление, когда они обнаружили открытую дверь. А войдя внутрь – кровь в раковине и на диване – труп с отрезанной головой. Соседа сразу же арестовали и вызвали следственную группу.

Петренко допросил звонившего по горячим следам. Тот клялся и божился, что все выдумал, просто хотел насолить соседке. Выпил и решил сделать ей пакость. А в квартире была тишина, туда никто не входил.

Когда видел соседку живой, входящей в квартиру, вспом-

нить не мог. Однако он был сильно пьян, поэтому его отвезли и заперли в отделении до утра. Петренко собирался утром снова его допрашивать, когда протрезвеет и вернется к связной человеческой речи.

Обыск квартиры соседа ничего не дал. Следов крови не было. Не было найдено также орудия убийства – предположительно это был длинный и острый нож мясника, не нашли и головы. Это последнее обстоятельство и свидетельствовало о том, что дело выглядит очень плохо. По всей видимости, голову убийца забрал с собой.

Зачем? Ответ на этот вопрос означал, что дело уже выбилось из ряда обычных, бытовых преступлений, что произошло нечто из ряда вон... А это означает, что у Петренко, которому поручено дело, будет куча проблем и не проходящая головная боль.

– Гляньте-ка до сюда! – Один из милиционеров, производящих обыск, подошел к Петренко. Он держал в руках небольшую картонную коробочку белого цвета. – Чудное какое-то... Гляньте!

– Ну-ка, что здесь? – оживился следователь прокуратуры, тут же прекратив диктовать нудным голосом скучные описания, уже и без того повторенные по несколько раз.

Петренко раскрыл коробочку. Внутри было что-то маленькое, завернутое в красную фланельку. Он развернул.

– Стеклашка! – хмыкнул прокурорский, отлично разбирающийся в драгоценных камнях и с первого же взгляда опре-

деливший, что камень, лежащий в коробочке, не представляет особой ценности.

Петренко вытряхнул камень на ладонь. Был он молочно-белого цвета, и в электрическом свете ламп отливал неприятным белым оттенком. Небольшой по размеру, камень был огранен очень странно. С одной стороны поверхность его была выпуклой, напоминающей сферу, а с другой – срезанной остро, до сплошной плоскости. С той, плоской, стороны на камне виднелись засохшие остатки какого-то белого вещества – похоже, клея.

– Нет, это не стекляшка, – сказал Петренко, словно взвешивая камень на ладони, – это лунный камень. Он, конечно, не очень ценный, но и простой стекляшкой его назвать нельзя.

– Полудрагоценный, значит, – фыркнул следователь прокуратуры, моментально потеряв к камню всяческий интерес. – Для чего он используется? Женские цацки?

– И это тоже, – Петренко тоже захотелось фыркнуть, но он сдержался. – В женских украшениях его используют редко. Считается, что лунный камень приносит несчастье, так же, как жемчуг и опал.

– С чего ты это взял? – удивился прокурорский.

– Когда-то разбирался в камнях. Увлекался даже. У моих родителей была коллекция – мой дедушка был горным инженером, – терпеливо пояснил Петренко. – Лунный камень часто используют в ритуальных предметах, в разных культах.

К примеру, в церкви...

– Ну, это нам не интересно, – перебил его следователь прокуратуры и пожал плечами. – Твое дело – ты и расхлебывай!

Он отошел к своему протоколу и снова принялся диктовать.

– Где ты его нашел? – обернулся Петренко к милиционеру.

– Да вот здесь, под плинтусом! Видите, одна доска отходит от стены, я и приподнял. А там эта коробочка. Что-то ценное?

– Пока не знаю, – Петренко задумался.

Судя по предосторожностям, по тому, что камень хранился в импровизированном тайнике, девица считала его очень ценным. Может, даже бриллиантом. Такие мысли вполне могли появиться в наивной крестьянской душе. Или же... Этот камень представлял какую-то другую ценность. Девица словно посмертно подчеркивала это. Да и хранился он красиво – в коробочке, в красной фланельке. Наверняка она думала, что это бриллиант. В любом случае камень был важен, Петренко чувствовал это. А потому опустил коробочку к себе в карман.

– Труп можно забирать? – Судмедэксперт закончил осмотр.

Петренко подошел к дивану, на котором все еще лежало тело убитой девушки – труп без головы.

– Можете назвать причину смерти, – повернулся он к судмедэксперту. – Хотя бы ориентировочно... Приблизительно...

– Это сложно, но... – эксперт пожал плечами, а затем словно решил: – Рана в горло, ножевая. Судя по первичному осмотру, голову ей отрубили, когда она была жива. Так что причина смерти – то, что ей отрезали голову.

Петренко вздрогнул. Да, предчувствие его не подвело. Все хуже и хуже. Правильно он почувствовал сразу же, что с этим делом не оберется хлопот.

– Может, это могли сделать в ритуальных целях? Ну, какой-то особый надрез?... – спросил Петренко наугад.

– Нет, никакого особого разреза нет. Есть один, сильный. А вот насчет ритуального... Это ты нам скажи! – хмыкнул судмедэксперт. Но, видя, как помрачнел Петренко, добавил: – Единственное, что я могу сказать: голову ей отрезали не на диване, не здесь. Сюда тело просто перенесли, когда кровотечение прекратилось. Похоже, это сделали на кухне, над раковиной. Вот там как раз и есть вся кровь. Убийца держал ее голову над раковиной. Тело упало на пол. Там, на полу, следы крови тоже есть.

– Держал над раковиной? За волосы? И она не сопротивлялась? – поразился Петренко.

– Судя по разрезу, нет. Вот ты и подумай – может, одурманили ее чем или напоили? Вскрытие проведу – яснее будет.

Петренко разрешил забирать тело. Бедную девушку уло-

жили на носилки, накрыли и аккуратно вынесли из квартиры в ее страшный последний путь. Вместе с экспертом уехали и следователь прокуратуры, и еще часть милиционеров.

Эксперт был прав: на диване, на поверхности из прессованной кожи, никаких пятен не было. Петренко задумчиво стоял, невидящими глазами глядя на слоников...

Глава 2

Блеф Володи Сосновского. «Профурсетка». Жених, которому не повезло. Приговор старика

Вдруг на пороге возник один из милиционеров, стоящих в коридоре. Петренко специально оставил двоих возле двери квартиры, в коридоре, – разгонять любопытных соседей. По своему опыту он знал: чем меньше зевак останется на месте преступления, тем лучше. Особенно важно было гнать

их, когда выносят труп. Несмотря на то что тело выносили всегда в закрытом виде, это все равно порождало страшные сплетни и слухи.

Поэтому появление милиционера стало неожиданным – особенно после выноса трупа.

– Там это... этот, – милиционер кашлянул, – журналист. Репортер то есть. Гнать?

Петренко вздохнул. Он уже прекрасно знал, кто это может быть – только один человек. И сомнений никаких не было. Время от времени Петренко и сам поражался его ушлости. Но, конечно, этот репортер не всегда был таким. Иногда он преображался, и перед глазами Петренко возникала совершенно другая, достаточно глубокая личность. Петренко знал это очень хорошо, ведь в последний год они были закадычными друзьями. Как говорится, не разлей вода.

– Ох, принесло его на мою голову, – следователь картинно вздохнул и уронил на стол ручку, которую перед тем машинально взял. – И как пронюхали? Ну прямо как мухи! Пусть войдет.

Почти сразу в комнату в сопровождении милиционера вошел репортер криминальной хроники новой, но уже достаточно популярной и набирающей серьезные обороты газеты «Знамя коммунизма» Владимир Сосновский.

– Ну ты же знаешь... – сразу же напустился на него Петренко, – ну нельзя же так приходить! Прямо на место преступления! Тем более, что я пока не могу дать тебе никакой

информации для газеты...

– Это я могу тебе дать информацию, – улыбнулся Сосновский. – И ты удивишься.

Затем, вынув из кармана пиджака белый камень, он протянул его Петренко.

– Ну как, ничего не напоминает?

Петренко потерял дар речи, когда Сосновский положил белый камень на его вдруг задрожавшую ладонь. Этот камень как две капли воды напоминал тот, что лежал у него в кармане, – в картонной коробочке, завернутый в красную фланельку! Даже по форме эти два камня были абсолютно идентичны! Одна грань выпуклая, другая – срезанная ровно. На плоской стороне – засохшие остатки прозрачного клея, точно в таком же количестве, как и на камне Петренко.

– Ну как, ничего не напоминает? – слово в слово нетерпеливо повторил Сосновский.

Вместо ответа Петренко достал коробочку, вынул камень и положил на ладонь рядом с первым. Даже невооруженным взглядом было понятно, что два этих камня были абсолютно идентичны.

– Так я и думал, – нахмурился Владимир. – Плохо. Ох и не повезло тебе... Честно скажу, это была логическая загадка. Но она сработала.

– Не хочешь объяснить? – нахмурился Петренко.

– Объясню, конечно, – пожал плечами Сосновский. – Для этого я и пришел. Но объяснение тебе очень не понравится!

– Да не тяни ты kota за хвост! – рывкнул Петренко, расстроенный этим новым обстоятельством в и без того паршивом деле.

– Коту это нравится, – ехидно улыбнулся Владимир. – А где труп Светулика?

– Кого?... – опешил Петренко.

– Светулика. Так эту девицу звали в публичном доме мадам Зои, в котором она работала, – ответил Сосновский.

– Ты ходишь по публичным домам? – хмыкнул Петренко.

– Ты меня за кого принимаешь? Я тебе шо, дешевый трехкопеечный фраер, или как? – хохотнул друг в ответ и вдруг стал совершенно серьезным. – Никогда в жизни не ходил и ходить не буду. Но ты забываешь мои связи в криминальном мире! Я много кого знаю среди одесских бандитов. Был лично знаком с самим...

– ...Михаилом Японцем, – быстро перебил его Петренко, – да ладно, знаю! Ты мне все уши прожужжал. Только вот Япончик твой давно мертв. А в криминале сейчас правят другие.

– Ну, не такие уж другие, если портовая марвихерша Рыжая Зайка, любовница одного из крутых бандитов Гришки Клюва, покойного давно, царствие ему небесное, переквалифицировалась в хозяйку борделя для большевиков под именем мадам Зоя. То есть товарищ Зоя, миль пардон... – ехидно ответил Володя.

– Ох, Сосновский, договоришься, мать твою!.. – в сердцах

вспылил Петренко. – И меня за собой потянешь.

– До цугундера? – прищурился Сосновский. – Не потяну. Но если вдруг что – и там люди выживают. Да и меня этим не испугаешь. Я там уже был.

– А я не хочу! Откуда ты только взялся на мою голову? – всплеснул руками Петренко, вдруг спохватившись, что этот странный и даже страшный разговор может слышать какой-то из все еще находящихся в комнате милиционеров.

– Из ада! – продолжал ерничать Володя, явно наслаждаясь произведенным эффектом и ничуть не опасаясь чужих ушей.

Как ни странно, но это немного успокоило Петренко, вдруг сообразившего, что появление ушлого репортера Сосновского для него очень хороший шанс сдвинуть явно глухое дело с мертвой точки, а если уж совсем повезет, и закрыть его скорей, да еще и отличившись перед начальством.

– Ладно, – вздохнул Петренко, – мы потом с тобой обо всем поговорим, как выберемся отсюда. Потом. А пока...

– А пока мы с тобой в этом деле вместе, – серьезно добавил Владимир Сосновский.

На это Петренко нечего было возразить. Да и некогда, потому что снова выдвинулся из коридора милиционер и произнес:

– Доставили! Хозяйку доставили!

– Где нашли? – нахмурился Петренко.

– Вот ее домашний адрес, – милиционер протянул листок

бумаги, – дворничиха написала.

– Южная улица... Здесь поблизости. Так, вдова... 56 лет... Живет на пенсию по супругу, убитому на фронтах гражданской войны... – Петренко бросил листок бумаги на стол, – все понятно. И одновременно сдает эти трущобы всяким проституткам. Прохиндейка, – обернувшись к Сосновскому, пояснил: – Тетка эта с Южной – хозяйка берлоги. Сдавала внаем эту конуру и по коридору еще несколько.

– Я знаю, – пожал плечами Володя. – Откуда у Светуликов и им подобным комнаты в Одессе? Снимали, конечно. Сельские мотыльки, слетевшиеся на жаркий городской огонь.

Милиционер ввел в комнату толстую говорливую бабку в цветастом платке, от которой очень сильно несло кислой капустой.

– Ой шо коется, люди добрые... Ой беда, лишенько... – заголосила она.

– Молчать, – глухо и страшно скомандовал Петренко, и Володя Сосновский, достаточно мягкий человек, вскинул на своего друга удивленные глаза.

– Комнаты сдаешь? Незаконно? А разрешение есть? – нахмурился Петренко.

– Так от покойного супруга комната получена... Сама проживаю по месту жительства дочери... – перепугалась тетка.

– С тобой еще компетентные органы разберутся обязательно, вот увидишь, – пригрозил Петренко, не меняя тона, –

а пока ты нам расскажешь, как давно эту комнату сдаешь.

– Две комнаты, с перегородкой, – поправила хозяйка квартиры, испуг которой уже прошел.

– Это мне без разницы, – хмыкнул следователь, – рассказывай.

– Дык год уже... Жиличке сдаю.

– Жиличку хорошо знаешь?

– Ну шо знаю... Платила исправно. Тихая. Соседи на нее не жаловались, ни боже мой.

– Мужиков водила?

– Ну откуда мне знать-то? Я здесь не живу. Молодая. Дык как же ж без этого?

– Документы ее видела? Кем работала, знаешь?

– Видела документы. Как бы я без документов сдала? А работала... Ну дык посудомойкой в заводской столовой работала, где-то на Пересыпи. Сама говорила...

– Ты мне тут ушами не финти! А то шас арестую за пособничество антисоциальным элементам! – прикрикнул на нее Петренко. – Где и кем работала? Точно! Говори! И смотри мне... Махинаторша хренова! Развела здесь бардак!

– Та я вдова героя... – попыталась встрять тетка.

– Вот и пойдешь на нары, как вдова героя! Ты мне дело говори, а не финты ушами выкидывай! У нас и герои на нарах сидят, если положено!

Тетка, похоже, знала об этом, потому как снова растеряла весь свой боевой задор.

– Профурсетка она была! – выпалила она, бросив жадный от любопытства взгляд на диван, словно чувствуя, что совсем недавно лежало на нем. – Профурсетка! Хвостом крутила! Вот и докрутилась...

– Клиентов на дом, сюда, водила?

– Только солидных. Было... Так очень серьезные, женатые. Двое, кажется. Она мне за них отдельно доплачивала.

– Имена, фамилии, как выглядят!

– Дык откуда ж мне знать! – всплеснула руками хозяйка. – Имена и фамилии она мне не называла. А как выглядят... Я ж их и в глаза не видела! Она сама мне сказала, бо знала, что соседи донесут. Я порядок во всем люблю...

– И деньги тоже, – в тон ей добавил Петренко. – Двоих на дому принимала, говоришь?

– Двое, – кивнула хозяйка квартиры. – Они в первой половине дня приходили. Один с утра, второй – в обеденный перерыв.

– Кем работали?

– Я шо, знаю? Я не спрашивала.

– Ясно. Где она по вечерам работала?

– Так у Рыжей Зайки. То есть у Зои на Екатерининской. Там квартира на углу с Греческой есть. Туда ходила.

– То есть в том борделе она не жила постоянно? – уточнил Петренко.

– Нет, – замотала головой тетка. – Там есть девушки, которые постоянно живут. А эта проходящая была.

– Почему не жила?

– Так она зарабатывала хорошо, ну да и стеснялась, что узнает кто. Семья у нее в селе, ну, в деревне осталась, – вздохнула наигранно хозяйка. – Мать да отец, да малолетние сестренки и братишки... Вот она их кормила всех. Для них и справку достала, что посудомойкой работает... Хорошая она была баба, простая. Не нравилось ей такое ремесло. У нее в селе и жених был. Говорила: вот денег соберу, чтоб на хороший дом построить, вернусь домой и за Андрюху замуж пойду, он все меня зовет.

– Так, – встрепенулся Петренко. – Вот с этого момента поподробней. Про Андрюху.

– Да не знаю я ничего! – снова всплеснула руками хозяйка. – Не знаю! Только имя. А еще говорила она, что он из села тоже на заработки уехал, как и она. Под Одессой в селе где-то работает. Сарата село называется, так, что ли... Там стройка в колхозе... В строительной бригаде он.

– Андрей знал, чем она в Одессе занимается?

– Нет, конечно! Он бы ее убил, – и вдруг, сообразив, что только что ляпнула, тетка ойкнула: – Так я это, я не то хотела сказать...

– Ясно, – кивнул головой Петренко. – Вызову тебя повесткой на допрос, подпишешь все показания. А пока можешь идти. И языком не телепай.

Тетка ушла. Петренко обернулся к Сосновскому, который, было видно, не пропустил ни единого слова.

– Видишь, как все просто? – сказал он. – Жених Андрей узнал, чем девка в Одессе занимается, и прибил из ревности. Осталось только этого Андрюху в Сарате разыскать, что вопрос одного дня, – и дело закрыто! Начальство будет в восторге.

– Андрюха признается во всем, – в тон ему продолжил Володя, – и даже показания подпишет, если вы постараетесь... Ты серьезно думаешь так? Что ее какой-то тупой деревенский Андрюха убил?

– Нет, – Петренко отвел глаза в сторону, – я так не думаю. Но дело для начальства надо закрывать. Вот я его и закрою таким образом. Андрюху этого, конечно, задержать нужно. Жалко парня. Не повезло ему...

– Раз жалко – не задерживай! – сказал Сосновский.

– Не могу. Ты наши методы знаешь. С меня шкуру спустят, если что не так.

Володя знал. На одной чаше весов была жизнь его друга, на другой – жизнь какого-то простого, никому не нужного деревенского парня. Это раньше Сосновский был поборником справедливости. Жизнь изменила его. Теперь выбор был ясен, и он не колебался.

Две недели назад

Из темноты донесся истошный собачий лай. Затем скрипнула колодезная дуга, словно кто-то поднимал на цепи вед-

ро. Металлический скрежет, слившись с плеском воды и собачьим лаем, создавал некую иллюзию жизни. Затем все смолкло. Впереди отчетливей, ярче стали видны два огонька.

Телега замедлила ход и наконец остановилась, тяжело вздохнув своими разбитыми колесами. Она была старой, почти разваливалась на ходу, но это был единственный транспорт, который согласился ехать в темноте в эту глушь, не рискуя застрять на разбитой дороге. Здешний возница прекрасно знал эти места, мог ехать даже в темноте, а потому не опасался, что заблудится. За это можно было простить и неудобство с телегой, тем более, по сравнению с отчаянным страхом, который буквально пронизывал эту темноту.

Заскрипев, телега остановилась. Возница обернулся к старику:

– Вот он – тот дом. Два шага пройти. Нет дальше дороги. Приехали, дедуля.

– Вон тот? – Сидящий в телеге старик, прищурившись, всматривался в темень, не выпуская ни на секунду из рук небольшой холщовый сверток, который он постоянно прижимал к груди. – Где светятся окна?

– Он самый. Бывший дом казака Чуба. А теперь – хутор. Постоялый двор. Как остался со времен империи, так и стоит до сих пор. А что ему сделается?

Возница с интересом поглядывал на своего пассажира. Старик, нанявший телегу на ночь глядя для того, чтобы доехать до хутора Чубаевки и до самого известного, собственно,

единственного на хуторе постоянного двора, очень отличался от всех тех, кто прятался в гостинице с наступлением ночи, стремясь подобраться поближе к морю.

Он ничем не напоминал ни контрабандиста, ни бандита, ни фальшивомонетчика, то есть всех тех темных, авантюрных и азартных людей, для которых отдаленность хутора была еще одним дополнительным риском в их и без того пестрой жизни.

Несмотря на близость к городу, этот хутор считался глухим местом. Был он не обжит и располагался вдалеке от шумных, ведущих к городу дорог. Чубаевка – именно так называлось это место – была расположена между Фонтанской и Люстдорфской дорогами. Она находилась близко к Фонтанским дачам и мысу Большой Фонтан, где были все самые знаменитые стоянки контрабандистов. Местность была унылая, застроенная одноэтажными хибарами, с чахлой зеленою редких садов. На этой земле из-за илистой и песчаной почвы все плохо росло, а потому те, кто жил в этих местах, зарабатывали на жизнь по-другому.

В частности, они давали временный приют тем, кому надо было пересидеть, спрятаться от бандитских разборок или властей, а затем беспрепятственно добраться до моря, чтобы уже там найти настоящее укрытие.

Когда-то на этом хуторе поселились черноморские казаки, участники штурма крепости Ени-Дунья. По легенде, одним из первых свой дом построил на этих землях казак по

фамилии Чуб, отсюда и пошло название Чубаевка. Местные жители верили, что сруб от дома знаменитого казака сохранился до сих пор, возвышаясь в некоем отдалении над всеми остальными домами, там, где была сейчас гостиница, больше похожая на старый постоялый двор, на котором останавливались заезжие купцы. Во всяком случае, этот дом очень уж отличался от всех остальных своим месторасположением, а потому ничто не мешало местным жителям сочинять про него яркие, красочные легенды, подогретые безудержной фантазией, которые так и сыпались на заезжих.

Возница украдкой с любопытством поглядывал на старика. Кто он такой, что занесло его в эти темные края? По виду он был похож на университетского профессора. Когда-то черная, а теперь седая борода спускалась ниже груди, а выцветшие от старости глаза смотрели на окружающий мир цепко, но с плохо скрываемой тревогой.

Одет был старик бедно – потертое драповое пальто, какие носили еще при царском режиме. На голове была такая же потертая фетровая шляпа. Кроме свертка, у него был с собой небольшой саквояж. Странный пассажир поставил его на дно телеги и больше не прикасался к нему – в отличие от свертка, который не выпускал из рук. А между тем саквояж выглядел более солидным и новым, чем старая, закопченная и рваная холстина, которую старик прижимал к груди, глядя на всех с подозрением.

– Приехали, – возница прикрепил вожжи к сиденью. –

Пойдем, провожу. Небезопасно тут по ночам.

Он подал руку старику, который с трудом вылез из телеги, а затем они вместе пошли в гору, к двум ярко освещенным окнам дома, которые становились все ближе и ближе.

На стук кулаком в дверь отозвался громкий собачий лай, а затем раздался женский голос:

– Кого несет в это время?

– Фекла, открывай! Постояльца тебе привез!

Калитка со скрипом распахнулась, и на пороге возникла хозяйка Фекла – полная, краснощекая женщина, которой можно было дать как пятьдесят, так и семьдесят лет. Голова ее была повязана цветастым платком, таким ярким, что краски были видны даже в темноте.

– Ой, лышенько... Кто ж це шастает у темряви... Матенька Божья...

– Доброй ночи. Это вам, – старик протянул Фекле записку. Поднеся к ней фонарь, она начала читать.

– Ага... Ага... – Женщина с трудом водила пальцем по строчкам, было видно, что читает она плохо. – Завтра на рассвете, значит? Ну, заходите, а я до Ваньки сообщу. Проходи, старенький.

Расплатившись с возницей, старик быстро подхватил свой саквояж и скрылся в калитке. Собака вдруг завyla. В этом утробном вое чувствовалась какая-то заунывная, вечная тоска. Перекрестившись, возница быстро заспешил обратно, к своей телеге.

Фекла завела старика в ярко освещенную комнату, где было нечто вроде трактира. За простыми деревянными столами сидело достаточно много людей – и мужчин, и женщин разного возраста. Они пели, ели, разговаривали, негромко смеялись. Их обслуживала довольно кривая девица лет тридцати, разнося подносы, уставленные тарелками.

– Садись. Поешь с дороги, – пригласила Фекла. – Запеканка знатная у нас. Отдохнешь трохи. Еще жаркое баранье есть. Домашнее вино. Такого тебе и в Киеве не нальют!

– Нет, спасибо, я не голоден, – старик с тревогой оглядывался по сторонам, вцепившись еще сильнее в свой свиток. – Я хотел бы пройти в комнату.

– Ну як бажаешь, – пожала хозяйка плечами. – Пойдем, проведу.

Вслед за ней старик поднялся на второй этаж. Фекла отворила одну из дверей, и они оказались в небольшой скромно обставленной комнате, где кроме кровати, стула и столика с умывальником больше не было никакой мебели. Но старик, казалось, не обратил на обстановку вообще никакого внимания.

– Вы точно сообщите проводнику? – обернулся он к хозяйке.

– Та ты не хвлюйся! – улыбнулась она. – На рассвете вин тебе заберет. Не тремти, дочекаешься.

И, выхватив деньги из рук старика, Фекла ушла, успев зазечь керосиновую лампу, висящую на стенке. Как только за

хозяйкой закрылась дверь, старик быстро потушил лампу, прикрутив фитиль. Теперь он оставался в полной темноте.

Быстро опустившись на колени, старик принялся молиться, беззвучно шепча губами. Он молился, раскачиваясь над свертком, ни на минуту не выпуская его из рук. В глазах его было отчаяние.

Послышался шорох, и старик замер, словно потревоженный зверь. Руки его задрожали. Поднявшись с пола, он быстро подошел к окну, выглянул в пустой, самый обычный двор, в котором не было ничего зловещего.

Но зло, между тем, уже было здесь, и старик незримо чувствовал его присутствие. Как же он клял себя за медлительность и глупость, за то, что не успел предусмотреть! Как же свойственна людям эта беспечность – спохватываться в самый последний момент, потом, только потом, когда становится слишком поздно!

Поздно было и теперь. Дверь комнаты стала медленно отворяться. Прижав сверток к груди, старик издал глухой стон... Горящие ненавистью глаза оказались совсем рядом.

– Уходи! – весь дрожа, выкрикнул старик в темноту. – Уходи! Изыди прочь!

– Отдай мне... – зашипел голос, в котором не было ничего человеческого.

– Я не отдам! Ты никогда это не возьмешь!

– Глупец... – в голосе послышался едкий смешок. – Я только исполняю его волю!

– Уходи! Я знал твоего отца! Он никогда бы не пожелал этого!

– Плохо знал... – В этот раз в голосе звучал откровенный смех, от которого волосы на голове старика едва не поднялись дыбом.

Он начал шептать заклинание, но не закончил. Сверкающие ненавистью глаза оказались совсем рядом. В них просто и ясно старик прочитал свой приговор.

В воздухе мелькнула длинная пеньковая веревка. В окне напротив блеснуло отражение расширившихся от ужаса глаз, и, словно со стороны, старик увидел свое лицо, будто парящее в воздухе. Зашуршав ледяной змеей, веревка скользнула вниз, вычерчивая окончательный приговор в темноте, став последним, что увидел старик в этом мире...

Глава 3

В пивнушке на Пушкинской. Воспоминания следователя Петренко. Бродяга, который ругался по-французски. «Краски рассвета» и новая жизнь

В пивнушке на Пушкинской, в подвале, пережившем все времена, было тепло до воню. Как всегда, разношерстная

публика создавала толкотню. Люди самого разного возраста и социального положения теснились за некрашеными, сучковатыми столами из простого дерева, потягивая теплое разбавленное водой пиво и болтая «за жизнь».

Здесь можно было встретить кого угодно: карманников с Привоза и актеров, иностранных моряков и студентов университета, больничных санитаров и матерых уголовников, отмотавших не один срок. Но, несмотря на такой людской хаос, атмосфера в пивнушке всегда была доброжелательной и теплой, чему немало способствовала говорливая толстая Катька, бессменная хозяйка заведения под бесхитростным и даже несколько странным названием «Сигнал». Обладая острым умом, бойким языком и бойцовским характером, Катька, родившаяся на Молдаванке, могла успокоить кого угодно и быстро навести порядок там, где не справились бы и несколько милиционеров.

В блатном мире Катьку знали и уважали. Какое-то время она была замужем за Васькой Фингалом, матерым воров, который работал под эгидой самого Тучи, но Фингал был застрелен в очередной перестрелке с милицией, что время от времени происходило в дебрях большого города, а в последние годы – все чаще.

К удивлению криминального мира, Катька больше не спуталась ни с кем... и никто из воров не заменил ей Фингала. Любовь ли была тому причиной, или Катька больше не хотела вести страшную подпольную жизнь – этого никто не

знал, а она не собиралась говорить. Катька с упорством занялась пивной, в промежутках между работой одна воспитывая двоих сыновей. За такое мужество она вполне заслуживала уважения, и все знали о специальном распоряжении Тучи, который все больше и больше прибирал к рукам одесский криминальный мир: кто тронет Катьку с пивной, будет иметь дело с ним.

Шутить Туча не любил. И, хоть не ставил на ножи по пустяковым причинам, слово свое держал. У Катьки появилась серьезная защита, и любители скандалов стали обходить ее заведение стороной. А в пивнушке воцарились мир и спокойствие.

Сыщик Петренко сидел в пивной «Сигнал» вот уже полчаса и, потягивая пиво, рассматривал разношерстную публику. Он ждал своего друга – репортера Сосновского, который здесь назначил ему встречу. Впрочем, репортер предупредил, что может задержаться. Петренко это было даже на руку. Редко в его бурной жизни удавались такие спокойные минуты, когда можно было просто тихонько посидеть и выпить пива, хоть и было оно ужасного качества, в отличие от нэпманских рестораций, куда ходить Петренко категорически не любил.

В силу своей работы он просто не выносил спекулянтов, барыг и торгашей. Ему казалось, что все они насквозь пропахли потными, вонючими червонцами, которые выдушивали у простых людей. И запах этот было не убрать, несмотря

на контрабандные дорогие духи.

В пивной «Сигнал» публика была попроще, и в этом окружении Петренко чувствовал себя как-то уверенней.

А между тем здесь он был знаменитостью, впрочем, как и во всем городе – после того, как с позором разгромил банду Котьки Вяленого, надурив того, как последнего козла. Иногда работе Петренко мешала его слава и сарафанное радио, которое передавало о нем фантастические подробности, но обижаться на это не следовало. Такой уж была особенность южного города, в котором всегда знали все обо всех, особенно те, личные, подробности, в которые часто не посвящают окружающих.

А потому, едва Петренко появился в дверях пивной, публика значительно поредела. Нельзя сказать, что его приход восприняли в штыки – многие предпочли покинуть заведение, посчитав, что лишний раз встречаться с таким, как Петренко, было не с руки.

Но Петренко не был подлым, и криминальный мир это ценил, и даже уважал. Он родился и вырос на Молдаванке. Отец его работал фельдшером в Еврейской больнице, а мать была акушеркой. Она умерла от туберкулеза, когда мальчику исполнилось три года, и отец всю жизнь посвятил воспитанию сына. Помогала в этом бабушка – его мать, которая переехала жить к ним и сняла с своего сына часть морального груза и хозяйственных забот.

Маленький Вова Петренко получил хорошее образова-

ние, он учился в гимназии. Когда же решил идти по юридической, а не по медицинской линии, отец не препятствовал. Гражданская война внесла свои коррективы, и вместо университета Вовка оказался в отряде рабочей самообороны, а затем – в рядах народной милиции. После работы в уголовном розыске Петренко все-таки поступил в университет на юридический, но на заочный факультет. Недостаток образования полностью компенсировался его опытом работы в уголовном розыске, природной смекалкой и искренней любовью к своему делу, чему другие могли только позавидовать.

Потягивая пиво и ожидая Володю Сосновского, Петренко вспоминал теплый солнечный день почти год назад, когда в этой самой пивнухе он встретил газетного репортера. Тогда Вова Петренко еще не был столь знаменит, и при его появлении не разбегались подвыпившие посетители. Однако он страшно мечтал таким стать.

В тот период времени Петренко как раз и занимался усиленно бандой Котьки Вяленого, которая учинила в городе настоящий разгром. Был ограблен и убит в своей квартире директор овощебазы, затем произошло ограбление и убийство подпольного квартирному маклера и известного валютчика. После этого – ограбление ломбарда на Спиридоновской, строительного треста на Итальянском бульваре и, наконец, налет на магазин ювелирторга на Греческой, во время которого были убиты два продавца.

Банда Вяленого навела ужас на весь город, и, вникая

в подробности кровавых дел, Петренко проникся личной ненавистью к негодяю, решив изловить его во что бы то ни стало. А сделать это было не просто. Дело в том, что Вяленый находился под особым покровительством Тучи, так как приносил в общак неплохие деньги. Он был щедр и отстегивал больше, чем другие воры. За него горой стоял криминальный мир, и все приближенные к этому миру были связаны круговой порукой молчания, преодолеть которую было совсем не просто.

Петренко повезло самым неожиданным образом. А способствовала этому свадьба Тучи, который устроил по такому поводу грандиозное торжество. На Молдаванке были накрыты богатые столы, спиртное лилось рекой, и отпраздновать приглашались все желающие.

Торжество получилось огромным! К столам мог подойти кто угодно, и никто не проверял присутствующих. Женился Туча на некоей Оксане, деревенской девице, совершенно не связанной с криминальным миром. По слухам, до свадьбы эта Оксана работала детской няней у кого-то из приближенных Тучи. Некоторые утверждали, что даже у его сестры.

Потом эта сестра вроде бы тяжело заболела, и эта самая Оксана принялась ее выхаживать – прямо в особняке Тучи на Фонтане. А в результате вышла замуж за бандитского короля.

Переодевшись в простого марвихера – сделать это было легко, так как Петренко свободно владел и повадками, и

именами «своих», и жаргоном, он проник на эту свадьбу. И там познакомился с человеком из банды Котьки Вяленого – подлым, хитрым узбеком, который почти за символическую плату согласился предавать своего начальника и друга, словом, стучать на него милиции.

Особой обработки и не требовалось. Петренко был неплохим психологом и с ходу разгадал подлую душонку узбека, который ненавидел Котьку Вяленого потому, что страшно ему завидовал.

В банде этого типа дразнили Чебуреком. Это страшно его обижало, потому что сам он пытался добиться того, чтобы его называли громко – Чингисханом. Однако с первого же взгляда была видна его трусость, подлость и лживость. Кличку Чингисхан бандиты подняли на смех и переименовали в Чебурека, чем вырыли себе яму.

С Чебуреком Петренко стал встречаться в пивной «Сигнал», которая, как уже упоминалось, находилась под защитой Тучи, и никому не пришло бы в голову, что в ней могут встречаться милиционер и его информатор из преступного мира.

И вот однажды, придя на встречу с Чебуреком, очередную и очень необходимую встречу, Петренко обратил внимание на молодого мужчину, который в одиночестве сидел у стены за самым дальним столиком. Милиционера удивил тот факт, что другие посетители словно избегали его. Они не хотели садиться рядом с ним, несмотря на то что народу в пивной

было полно и свободных мест не было.

Мужчина был страшно пьян. В отличие от остальных, пил он не пиво, а дешевую водку. Когда Петренко только вошел в пивную, бутылка была полной, а когда встреча с Чебуреком уже подошла к концу, в ней оставалось меньше четверти.

Одежда мужчины была очень грязной и рваной, он выглядел как бродяга, забулдыга, который спал под забором. И вонь, которая долетала даже до столика Петренко, была от него такая же, как от остальных бродяг. Однако не грязь и не вонь отпугивали окружающих – многие из посетителей выглядели гораздо хуже, чем этот бродяга.

Этот человек так заинтересовал Петренко, что, внимательно слушая Чебурека, он все-таки украдкой наблюдал за ним. Что привлекало в нем? В первую очередь лицо. У него было красивое, благородное лицо, совсем не похожее на тупые рыла вконец испитых, опустившихся бродяг. Время от времени глаза его ярко загорались, словно в них проскальзывали какие-то особые мысли. И во-вторых, Петренко был потрясен, когда, случайно уронив стакан, мужчина выругался... по-французски!

Такого в пивнухе Петренко еще не встречал. Теперь он уже смотрел на странного посетителя во все глаза. Сам Петренко учил французский язык в гимназии и, хоть не мог свободно говорить, прекрасно знал французские ругательства – ту важную часть языка, которую первой усваивает любой школьник.

Когда встреча подходила к концу, Петренко спросил Чебурека, знает ли он, кто это такой. Чебурек не знал. У них было условлено, что из пивной они выходят по отдельности – первым всегда уходил Чебурек, а Петренко еще на некоторое время оставался.

После ухода Чебурека Петренко решительно направился к Катерине, хозяйке пивной. Она была единственной, кто догадывался о том, кем является Петренко на самом деле, но предпочитала молчать, не желая портить отношения с властями.

– Это князь бывший вроде, – сказала Катька, с отвращением глядя на бродягу, – у нас его не любят.

– Почему не любят? Что он сделал?

– А хрен его знает! – Катька равнодушно пожала плечами.

– Он бродяга, судя по виду?

– А то кто же? – Катерину удивил его вопрос.

– Но у него есть деньги, чтобы покупать водку.

– Так это Туча за него платит. Велел выдавать ему все, что тот попросит, а потом выставлять Туче счет. Так я и делаю. Только он не жрет ничего, хлещет одну водку. Причем без закуски.

– Туча за него платит? – Вот это был номер! Петренко так поразился, что даже растерял все слова. – Да кто же он такой? Он бандит?

– Да тебе шо, повылазило? Сказано ж тебе – его не любят! Никакой он не бандит!

– Но фамилию его ты хоть знаешь?

– Да вот Туча мне в тетрадке записал... Сейчас поищу... –

Катерина принялась водить пальцем в замусоленной тетрадке, – вот, нашла. Владимир Сосновский.

Владимир... Петренко удивился этому странному совпадению, ведь с этим человеком они оказались тезками! Теперь он был полон решимости узнать всю его историю до конца.

– Это шоб он за голод не подох, – вдруг сказала Катька, – потому Туча за него и платит. Сказал кормить его. Туча добрый. А этот швицер только водку жрет.

– Где он живет, ты знаешь? – Любопытство Петренко было накручено до предела.

– Да нянька я ему, шо ли? – возмутилась Катька. – Халамидников всех окрестных должна знать? Да хоть под забором – мне за какое дело?

В этот самый момент мужчина, шатаясь, поднялся из-за стола и побрел прочь, к выходу из пивной. Петренко увидел, что бутылка из-под водки на столе была пуста. Закуски не было никакой. То, что он только пил, было плохим признаком. Похоже, спивался он стремительно, и такими темпами ему оставалось недолго жить.

Вернувшись на работу, Петренко выяснил об этом человеке все, что только было возможно. Оказалось, что это был газетный репортер и даже писатель. Два его романа были напечатаны в Москве. Он был арестован за убийство жены, некоторое время провел в тюрьме, но потом следователь нашел

доказательства его невиновности, и его выпустили.

Однако после того, как он попал под следствие, его уволили с должности главного редактора газеты «Одесские новости». Когда же оправдали и выпустили, то так и не восстановили в должности.

Потом что-то произошло. Вместо того, чтобы искать новую работу, Сосновский стал опускаться. Он начал пить. Его выгнали со съемной квартиры. Он стал ночевать по каким-то ночлежкам и помойкам. Один раз его даже задержали за бродяжничество. С репортером и писателем Сосновским было покончено. Что с ним произошло, никто не знал.

Петренко принялся копать дальше и вскоре вышел на след одного журналиста из «Одесских новостей», который больше всех остальных знал о Владимире Сосновском.

– Сосновский? Да это легендарная личность в Одессе! – разговорился он, после того как Петренко пригласил его в ресторан и как следует угостил. – Сосновский знал весь криминальный мир старой Одессы! Лично знал самого Мишку Япончика! Это такой человек...

– Что с ним произошло?

– Кто знает... Сломался, наверное. В его жизни столько всего было. Говорили даже, что все его родственники перебрались в Париж, а он остался здесь один... Сломался, точно.

– Из-за женщины? – прямо спросил Петренко.

– Ну, в его жизни была какая-то громкая любовная исто-

рия. Поговаривали одно время, что он был связан с воровкой по кличке Алмазная. Черт их знает, что там произошло, но имя его с этой Алмазной связывали.

В голове Петренко что-то щелкнуло. Вот и возможная связь с Тучей! Петренко посмотрел все документы, которые нашел в архиве, по Алмазной. Она была в банде Кагула. Знаменитая налетчица. Но вот уже некоторое время лежала на дне. Информаторы поговаривали даже, что она умерла. Об Алмазной ничего не было слышно в городе.

Петренко бросился в пивную снова, но Сосновского там не было. По словам Катьки, тот не приходил уже несколько дней.

Зная все значные места возле Привоза и железнодорожного вокзала, Петренко принялся его искать. И очень скоро нашел. Возле станции железной дороги «Одесса-Малая» была целая сеть лачуг. В них ютились всякие отбросы. В одной из таких лачуг он и обнаружил Сосновского – избитого до полусмерти, да к тому же и ограбленного. У несчастного отобрали даже ботинки и его рваное пальто.

Сосновский умирал. Петренко вызвал служебную машину и отвез его в Еврейскую больницу. Там Сосновский пробыл достаточно долго, и все это время Петренко, как нянька, ухаживал за ним. Зачем он это делал, Петренко и сам не понимал. Ему очень хотелось вернуть этого человека к жизни. Он чувствовал в нем что-то хорошее, чувствовал, что он не полностью потерян для общества. От природы обладая ред-

кими дарами – состраданием и милосердием, Петренко вернул Сосновского к жизни.

Когда пациента выписали из больницы, Петренко перевез его к себе в квартиру. К тому времени ему удалось разгромить банду Котьки Вяленого, устроив ловушку. Петренко выстроил все так хитроумно, что в ловушку угодил и Чебурек. И, к огромной радости сыщика, пошел под расстрел со всеми остальными бандитами. Предателей не любят даже те, кто пользуется их услугами.

Так Петренко подружился с Сосновским. Володя оценил его операцию по поимке Котьки Вяленого и давал ему множество дельных советов насчет криминального мира, который больше не был кошмаром для него самого, а стал отдаленным, хоть и болезненным воспоминанием.

Однако несмотря на их дружбу и на то, что Вова Петренко фактически спас жизнь Володи Сосновского, журналист так и не рассказал свою историю.

– Я умру, если начну вспоминать, – говорил бывший князь.

– Но в этом виновата женщина? – не отставал Вовка.

– Не так, как ты думаешь.

– Ты это о чем? – удивился Петренко.

– У меня умерла дочь. И я не смог пережить ее смерти...

Это было единственное, что сказал Сосновский. И Петренко чувствовал, что лучше действительно не возвращаться к этому разговору.

Чтобы окончательно вернуться к жизни, за месяц, что он прожил в квартире Петренко, Володя Сосновский написал роман. Он назывался «Краски рассвета». Главный герой, бандит, опускается на самое дно, но с приходом большевиков начинает новую жизнь. Он идет в народную милицию, становится сыщиком и начинает ловить своих бывших товарищей.

Роман почти сразу приняли в издательстве и довольно быстро напечатали большим тиражом. О нем заговорили, его высоко оценило большевистское начальство. А вот писатели и бывшие коллеги Сосновского плевались, говорили, что это роман о мерзком предательстве, и нечем тут гордиться.

Вове Петренко этот роман тоже казался немного странным. Но нельзя было не признать тот факт, что Володя Сосновский угодил в самую точку: именно такие романы и требовались новой, пролетарской литературе для поднятия пролетарского духа.

Благодаря успеху романа Сосновского приняли на работу на новую, но уже достаточно популярную газету «Знамя коммунизма». Начал он репортером криминальной хроники, а вскоре и возглавил криминальный отдел, став его редактором.

Не без протекции Петренко, который замолвил нужное слово кому следует, Сосновскому выделили собственную жилплощадь – большую светлую комнату размером в целых 20 квадратных метров в коммунальной квартире на бывшей

Преображенской, а ныне – улице Красной армии. Это было его личное жилье, которое не нужно было снимать, за него не нужно было платить, и никто больше не мог выгнать его на улицу.

Получение квартиры окрылило Володю больше всего остального. Он стал совершенно нормальным, полноценным человеком. Короткие месяцы пережитого ужаса ему самому казались кошмарным сном. И глядя на Сосновского, Петренко испытывал гордость – за себя, за него, в общем, за то, что он спас человека.

Володя с новыми силами включился в работу, восстановил старые связи в криминальном мире и начал писать новый роман. К водке он больше не прикасался.

И вот теперь Вова Петренко ждал своего друга в той же самой пивной «Сигнал» для того, чтобы узнать все о камне и о том, какие подробности Сосновский раскопал об убийстве проститутки.

Глава 4

Арест жениха. Начало – убийство в Чубаевке. Просьба мадам Зои. Еще один лунный камень

Глотнув остатки мерзкого, теплого пива, Петренко поневоле подумал, что воспоминания слишком уж затянулись – ждал он уже больше часа. Посетители пивной стали значительно редеть. Но не успел он почувствовать настоящее раздражение, как на входе показался оживленный Володя Сос-

новский.

– Вовка, прости! – плюхнулся он за стол. – Лариса совещание устроила. Еле отбился, да и то в последний момент.

Лариса Бреус, редактор «Знамени коммунизма», относилась к числу таких же деятельных партийных дам, какой была и Софья Соколовская, первоначально возглавлявшая партию большевиков в Одессе, которая при этом никому на свете не позволила бы именовать себя дамой.

Уже перешагнув 40-летний рубеж, Лариса Бреус сохранила в себе юношеский задор, живость, подвижность, умение быстро реагировать на ситуацию и все схватывать на лету. Сосновскому она чем-то напоминала его самого в юношеские годы. Хоть Володя и был намного моложе, теперь он чувствовал себя столетним стариком, полностью потерявшим вкус и интерес к жизни.

А потому поначалу он был твердо уверен, что не сработается с деятельной редакторшей. И действительно, в первое время между ними происходили бурные стычки, которые живо напомнили Володе годы работы со знаменитым и страшным редактором Хейфецем. Было абсолютно понятно, почему появление такого сотрудника, как бывший редактор «Одесских новостей», Бреус встретила в штыки. Однако очень скоро они стали, как говорить, чувствовать друг друга. А обнаружив не единожды, что мыслят в одном направлении, перестали ссориться – причины для ссор исчезли.

Впрочем, Володю, хоть он и молчал, все еще продолжала утомлять и немного напрягать бурная, неумная энергия Ларисы Бреус, к которой часто, по его мнению, примешивалась огромная доза юношеского идиотизма, как он, опять же про себя, определил.

– Читал твое творение сегодня утром, – начал Петренко, – скупое, но по существу. Красиво описал про отрезанную голову, но почему-то полностью упустил упоминание о камне.

– Разве о таких вещах пишут? – Сосновский пожал плечами. – Тем более, когда расследование еще не закончено.

– Боюсь, что уже закончено, – вздохнул Петренко, – собственно, это я и собирался тебе сказать.

– Понятно, – нахмурился Сосновский, – значит, взяли парня. Быстро, оперативно работаете. Где?

– В Измаиле. Собирался отправиться вниз по Дунаю.

– Бежал?

– Бежал. Когда узнал про убийство этой Иванько.

– Из газет? – фыркнул Володя. И сам себе ответил: – Из газет, ясно! Об этом убийстве все газеты трубят вот уже два дня подряд!

– Ну да. Так он и сказал. Что прочитал в газете.

– Он грамотный? – удивился Сосновский.

– В том-то и дело, что нет. Сказал, что ему прочитал про раб на их стройке, тот грамотный. Начал вслух читать про убийство... А там и фотография девицы.

– Это «Одесский Маяк» постарался, – снова фыркнул

Сосновский. – Дебилы!

– И не говори! – подхватил Петренко. – Редактору «Маяка» уже влетело от моего начальства за такую самодеятельность. Чуть не спугнули.

– Но все-таки вы успели его поймать, – хмыкнул Сосновский. – Ты его уже допрашивал? Что он показал?

– Допрашивал. Сказал, что не видел Светлану больше месяца. И в последнее время у них отношения были так себе. Он подозревал, что в Одессе она с кем-то познакомилась, более серьезным, чем он.

– Познакомилась! – снова хмыкнул Володя.

– Кстати, он был твердо уверен, что Иванько работает посудомойкой в заводской столовой. Думал, нашла себе кого-то из рабочих, одесситов.

– Он был в ее квартире?

– Нет, даже не знал ее одесского адреса. Иванько врала, что живет в общежитии завода в комнате на шесть человек и пригласить его к себе не может. Встречались они в парках, чайных.

– Ты проверял? – взгляд Володи стал острым.

– Да, – кивнул Петренко. – Проверял, конечно. И вот это самый плохой момент во всей истории. Отпечатков пальцев этого парня в квартире Иванько действительно обнаружено не было. Вообще ни одного! А это абсолютно невозможно, если он ее убил. Ты же сам знаешь.

– Потому что это не он, – пожал плечами Сосновский. –

Я ведь тебе с самого начала сказал.

– Тогда чего он собирался бежать?

– А ты бы не побежал, если б тебя обложили, как зверя, со всех сторон? – воскликнул Володя. – Он ведь не совсем конченный дурак, он понимал, что рано или поздно на него выйдут и припишут ему это убийство. Бегство – абсолютно нормальная реакция.

– Ну, как знать... – Петренко печально покачал головой и вздохнул: – Начальство давит со всех сторон. Требует закрывать дело скорей.

– А ты потяни. Ты же умеешь это делать, – вскинулся Сосновский.

– Сложно тянуть, когда арестован главный подозреваемый...

– ...который точно не убивал жертву, – в тон ему закончил фразу Володя.

– Ладно, – махнул рукой Петренко. – Ты теперь рассказывай.

– Для этого я и пришел. Только, боюсь, тебе эта история очень не понравится, – предупредил сразу Сосновский.

– Это уж мне решать, что понравится, а что нет, – нахмурился Петренко.

– Ну, сам напросился! – Володя улыбнулся. – Только потом не жалуйся. Тогда я начну с самого начала.

– Начинай, чего уж тут... – продолжал хмуриться Петренко, понимая, что такое вступление не означает для него ни-

чего хорошего.

– Начало – это убийство в Чубаевке, – продолжил Сосновский.

– Подожди! – остановил его следователь. – Ты что, хочешь сказать, что убийство в Чубаевке связано с убийством девицы легкого поведения на Молдаванке?

– Именно, – кивнул Володя.

– Но это невозможно! – воскликнул Петренко. – Старик был задушен. Там не было ничего общего, ни одной детали!

Убийство, о котором говорил Володя Сосновский, произошло недели две назад. Случилось все на хуторе Чубаевка, в доме, где сдавались внаем комнаты, это было нечто вроде постоянного двора.

В одной из комнат на втором этаже был найден труп старика, который приехал и поселился накануне, поздним вечером. Он был задушен – но не голыми руками, а шарфом или пеньковой веревкой, которую, судя по следам, в несколько слоев обмотали вокруг шеи. Однако ни веревки, ни шарфа, ни какого-нибудь подходящего куска ткани, с помощью которого можно было совершить убийство, на месте преступления не нашли.

Комната, в которой остановился старик, была перерыта вверх дном, словно в ней или происходила жестокая борьба, или что-то тщательно искали, что, в общем, было больше похоже на правду...

По словам хозяйки этой самодельной гостиницы, личные

вещи старика исчезли. Он приехал с саквояжем и с каким-то холщовым свертком, который все время держал в руках, прижимая к груди. Ничего подобного в комнате найдено не было.

Не было и документов старика. Хозяйка показала, что о приезде постояльца ее заранее предупредил местный житель, периодически становившийся проводником к контрабандистам: он сводил с ними тех, кто тайно хотел покинуть город. Это были люди из криминала, как правило, способные платить за такие услуги немалые деньги. По словам проводника, было похоже, что старик тоже собирался бежать. Но куда и зачем?

Следствие принялось устанавливать личность убитого. Вскоре в милицию обратился секретарь раввина центральной синагоги, которая находилась в Водяной Балке. Он подал заявление об исчезновении сотрудника библиотеки при синагоге. Приметы исчезнувшего сотрудника полностью совпадали с приметами убитого.

Раввин приехал и опознал труп. Убитого звали Аарон Нудельман, он работал при синагоге, занимался редкими рукописями и книгами. Когда-то преподавал в гимназии историю и латынь. Но работать в советскую школу не пошел, так как, по его словам, история там была совершенно другая, а латынь не преподавалась, поэтому он устроился работать при синагоге.

Нудельман был одинок. Жил на Молдаванке в ужасной

хибаре на Виноградской, под самым склоном, спускающимся к синагоге. Родственников у него не было – большинство членов его когда-то большой семьи были убиты во время еврейского погрома, который был устроен атаманом Григорьевым, как только его банды вошли в Одессу. Сам старик уцелел лишь потому, что его спрятали соседи.

Жена его умерла много лет назад, еще до погрома. Он остался с сыном Наумом. Но тот был убит уже взрослым – вечером возвращался с работы домой, на Виноградную, и в районе Балковской ямы на него напали бандиты, пырнули ножом. От полученных ран Наум скончался на месте. Убийцу так и не нашли, да, впрочем, и не искали.

Позже Аарон узнал, что в кошельке сына, который бандиты так и не забрали, было лишь несколько мелких монет, да еще старенькие наручные часы, которые не представляли никакой ценности...

Так что после смерти сына Аарон Нудельман жил в полном одиночестве и сторонился людей. Все время проводил в библиотеке при синагоге, занимался только своими редкими книгами и старыми рукописями, перебирая их и сортируя по алфавиту. Собственно, это было все, что выяснили о старике.

К моменту смерти Аарону Нудельману исполнилось 74 года. Следствие выдвинуло версию, что в общей комнате постоянного двора, представлявшей что-то среднее между дешевым рестораном и захудалым трактиром, сидели какие-то

уголовники, внимание которых привлек дорогой саквояж в руках старика. Подниматься на второй этаж нужно было именно через эту общую комнату, поэтому видеть приезжего мог кто угодно.

Уголовники поднялись на второй этаж и ворвались в комнату. Старик принялся сопротивляться. Чтобы избежать шума, они его задушили. А после этого, полностью ограбив, сбежали.

Это была единственная версия, которую удалось выдвинуть следствию. Но бандитов, уголовников, которые могли совершить подобное, так и не нашли.

Петренко замолчал. Он сказал все, что знал.

– Все это я узнал сразу, – бросил Володя, – и тогда я задал себе главный вопрос: почему старик собирался бежать? И, главное, почему его могли преследовать?

Поэтому, уже зная, что в истории старика Нудельмана не все так просто, Сосновский отправился в синагогу. Но увидеться с раввином ему так и не удалось. Его принял секретарь раввина, который долго и путано пытался объяснить, что раввин уехал куда-то в область.

Однако Володя подозревал, что это неправда, что раввин просто не хочет видеться с ним. А потому спросил прямо секретаря: что ценного исчезло из синагоги? Что это за предмет, информация о котором скрывается так тщательно?

– Стоп! – Петренко поднял руку, прерывая рассказ друга. – А вот с этого момента поподробней. Что за предмет,

как ты узнал?

– Я просто предположил, что старик выкрал из синагоги нечто очень важное и ценное, то, что ему удалось найти с помощью этих своих рукописей, – пояснил Володя. – Поэтому он и хотел бежать из Одессы тайком. Вышел на проводника, думал вообще покинуть страну. И причиной всему был этот предмет. Очевидно, за ним охотился не только старик, но и кто-то еще. И вот они-то и напали на старика, убили и отобрали его.

– Это была твоя догадка или у тебя были конкретные основания так думать? – нахмурился Петренко.

– Ты слушай дальше! – улыбнулся Сосновский. – Ты бы видел, что сделалось с секретарем раввина, когда я спросил об этом! Радуга бы позавидовала краскам, которые выступали на его лице! Он вспылил и буквально выставил меня из синагоги. Разговор, конечно, ничем не закончился, но я получил главное подтверждение тому, что мои подозрения верны. Речь действительно идет о ценной вещи. А старик был просто жертвой – вернее, принесен в жертву некоему культовому предмету, который был так важен, что ради него можно и убить.

– Что это такое, ты узнал?

– А вот это как раз и переносит нас в самое начало моей истории! Ты слушай дальше.

И, наслаждаясь удивлением, которое явно проступало на лице его друга, Володя начал свой рассказ.

В тот самый обычный день, когда ничто не предвещало неожиданных поворотов и невероятных историй, Сосновский сидел в редакции газеты и отстукивал на машинке очередную статью. Работал он уже несколько месяцев и полностью влился в привычный мир редакции.

Писал он исключительно на криминальные темы, поэтому очень скоро у него стали восстанавливаться старые связи. Неожиданно в его жизни начали появляться люди, которых он считал давно потерянными. И это касалось не только старых знакомых.

Совершенно неожиданно в разных местах он вдруг стал встречать старых одесских воров, членов различных уличных банд, которые воспринимали его как своего друга. Объяснялось это тем, что не все прежние воры и налетчики нашли свое место в новой криминальной жизни. Старые законы ушли в прошлое. Власть захватили новые люди, принуждая бандитов выживать по новым, совершенно диким правилам. И на этом печальном фоне им приятно было видеть человека из старого мира, человека из прошлого, который знал в лучшие времена, воспоминания о чем они тщательно хранили в своих очерстевевших сердцах.

Потом заработало сарафанное радио, и весть о Сосновском быстро разносилась по городу. Иногда это облегчало работу, а иногда – полностью парализовало ее.

Итак, это был самый обычный день в редакции – день, который ничем не напоминал работу газетного репорте-

ра. Атмосфера «Знамени коммунизма» очень отличалась от «Одесских новостей».

Когда Володю уволили с должности главного редактора, то после его выхода из тюрьмы ему разрешили вернуться на работу, но только в качестве газетного репортера. Это было страшное, дикое время – оно-то и ввергло Сосновского в пучину отчаяния и тоски.

Репортеры в «Одесских новостях» гоняли по городу с утра до вечера, накатывая тысячи столбцов хроники для ежедневного выпуска. Эта нагрузка была колоссальной. Володя сломался буквально в первую неделю, отвыкнув работать так, словно он был студентом без опыта или полуграмотным подростком, которого только ноги, ушлость и наглость могут привести в штат редакции, но отнюдь не талант.

В «Знамени коммунизма» все было по-другому. Газета не освещала городские новости, отдавая предпочтение аналитическим и пропагандистским материалам. Обстановка в ней была более спокойная, и Сосновскому это очень нравилось.

А потому он в совершенно спокойном расположении духа снял трубку зазвонившего телефона. Каково же было его удивление, когда старческий, дребезжащий женский голос попросил пригласить журналиста Владимира Сосновского.

– Ох, вы все равно за то не поверите... – вздохнул голос, когда Володя представился. – А шо вы помните за Гришку Клюва?

– Я помню за Гришку Клюва, – осторожно ответил Сосновский, готовый ко всему.

– А до его подружки Рыжей Зайки?

– Рыжая Зайка? – Володя напряг память. – Да, припоминаю. Марвихерша, порт, работала с Сонькой Кривой.

– Я таки-да, говорила за всем, шо голова у фраера такого, как ты, за плечи еще как варит! – с восторгом отозвался голос. – Это я и есть, я, Рыжая с порта. Только я давно уже не Зайка. Я теперь стопудовая мадам.

– Рад за вас! – поневоле хихикнул Сосновский.

– Тут такое... Картина маслом. Хипиш больной за мою голову... – затараторила бывшая Зайка, которая теперь мадам. Из долгих объяснений Володя понял, что с ней произошло нечто необычное, о чем ей не с кем посоветоваться, кроме как с ним, ведь он слыл за человека порядочного, да и мир ее знает не понаслышке. Заинтригованный Сосновский согласился встретиться с мадам Зоей, которая успела ему поведать и о том, что держит на Екатерининской шикарный бордель, который так любят все большевики.

В назначенный час Володя уже сидел за столиком небольшой кофейни в районе Таможенной площади, рядом с портом. Мадам он узнал сразу, несмотря на то что время отнеслось к ней довольно беспощадно, и Зайкой ее больше никто бы не назвал.

Мадам Зоя сильно постарела и остепенилась. Неизменными остались только ярко-рыжий цвет волос да задорные гла-

за.

После долгих охов и вздохов о районе порта, где прошла ее боевая молодость, мадам Зоя все-таки приступила к делу. В ее заведении на Екатерининской произошла ситуация, которая выбила ее из привычной колеи. Что думать о ней, мадам Зоя не знала. А потому решила посоветоваться с Володей Сосновским.

Два дня назад, как раз в обед, в ее заведении появился старик. Это было нормально и привычно – старики все время посещали бордель. Ничего необычного в том, что старик попросил позвать к нему девицу по имени Светулик, тоже не было.

Мадам Зоя, как и большинство сотрудниц ее заведения, не любила Светулика, между собой они называли ее деревенской Светкой. По словам мадам Зои, Светка была жадная и злобная. Она не умела культурно есть – хватала еду, чавкала, не меняла нижнее белье, а еще не мыла ноги, и многие клиенты жаловались.

– Никакого представления, как брать ванны! – мадам Зоя закатила глаза.

Именно поэтому Светулик была приходящей – мадам Зоя не позволила ей постоянно проживать в роскошной квартире на Екатерининской из-за неряшливости в быту. Она знала, что девица снимала квартиру где-то на Молдаванке, но ее совершенно не интересовали подробности.

В тот день Светка не работала, у нее был «красный флаг»,

и мадам Зоя предложила старику позвать любую другую девицу на выбор. Но вот тут он разнервничался.

Старик сказал, что ищет девицу исключительно по серьезному делу. Он думает, что она могла быть причастна к краже, в которую ее втянули. Украден очень серьезный культовый предмет, который тем, кто его украл, принесет массу неприятностей. И он хочет уговорить девицу образумиться и таким образом ее спасти.

Мадам Зоя опешила, и не только потому, что от кражи всегда плохо пахло. Мадам, всю свою жизнь проведшую на криминальном дне, поразила культурная, грамотная и серьезная речь старика. По мнению мадам Зои, а она разбиралась в людях, старик был похож на ученого или на школьного учителя. Он почти сразу внушил ей какое-то благоговение, и она перепугалась.

Мадам Зоя действительно не знала, где живет Светка. А если бы знала, то сказала бы – такое впечатление произвел на нее старик. Он достал из кармана камень и показал ей, сказал, что этот камень был на украденной вещи, но отвалился. Не видела ли мадам его раньше?

Мадам Зоя разбиралась в камнях и сразу поняла, что это полудрагоценный лунный камень. К тому же она знала, что такие вещи часто используют в какой-то религиозной утвари. Это еще больше усилило ее ужас. Во что ввязалась деревенская дуреха, и как все это теперь отольется ей, Зое? Мадам было страшно.

Старик расстроился, что девицы в заведении нет. Уходя, он обронил камень из дрожащей руки. Наверное, хотел засунуть в карман, но промахнулся. Этот камень лежащим на полу обнаружила мадам Зоя уже после ухода старика. Она сразу отдала его Володе, сказав, что не хочет его у себя держать. Сосновский камень взял с удовольствием, потому что уже предвкушал интересную историю – если не для газеты, так для романа.

Но это было еще не все. Заинтригованная Зоя решила выяснить, кто такой этот старик. Зная его личность, можно было хоть как-то обезопасить себя от будущих неприятностей.

Мадам быстро вызвала Семена – довольно толкового парня, который служил вышибалой в заведении, и послала его проследить за стариком. Тот двигался медленно, шел по улице шаркающей, тяжелой походкой, не глядя по сторонам, погруженный в свои мысли, и Семен быстро прилепился к нему, как тень.

Через полтора часа Семен вернулся к Зое с подробным докладом. Он провел старика до центральной синагоги в Водяной Балке, по Балковской улице. По словам вышибалы, старик спускался вниз, к Балковской яме, по Градоначальницкой, которая была переименована на улицу Перекопской победы. Это произошло еще в 1923 году, но никто ее так не называл. Семен видел, как на Градоначальницкой старик долго стоял перед одним обычным жилым домом, неказистым на вид. Он словно говорил сам с собой, размахивая руками.

Что это за дом, Семен не знал. Потом старик снова пошел вниз и вошел прямо в синагогу. Вышибала был не дурак и сумел разговорить какого-то парня, который как раз оттуда выходил.

Парень с легкостью рассказал, что этот старик – ученый, которого боится сам цадик – раввин. Его зовут Аарон Нудельман и он работает в библиотеке при синагоге. Он занимается книгами, разбирает старинные рукописи и вообще жутко ученый. Живет один, ни с кем не общается, и молодежь считает его чем-то вроде городского сумасшедшего, забавного чудака. А вот люди более старшего поколения его побаиваются.

Всю эту информацию Семен принес мадам. Зоя пошла дальше. По своим криминальным каналам она бросила клич, что пытается выяснить, кто обворовал синагогу и что оттуда украли. Очень скоро получила ответ: кражи в синагоге не было, никто ничего не воровал. Воры избегали работать в таких культовых местах, как церкви, синагоги. Еще по старым понятиям, это было плохо.

Володя пообещал мадам Зое заняться этой историей, записал все, что он от нее узнал, забрал камень. История так заинтересовала его, что он принялся размышлять.

Конечно, Светулик не сама совершила кражу, для этого она была слишком глупа. Кто-то ее втянул в эту историю, по-видимому, какой-то мужчина. Возможно, она прячет украденный предмет у себя. Нужно найти эту девицу!

На следующий день Сосновский узнал об убийстве старика Нудельмана в Чубаевке. Володя так разнервничался, что пытался поговорить с раввином. Но тот или ничего не знал, или не захотел говорить. По словам раввина, никакой кражи не было. Из синагоги не пропадали ни рукописи, ни ценные предметы. А старик Нудельман часто страдал какими-то странными фантазиями, которые никто не мог объяснить.

Тогда Сосновский договорился с мадам, что как только Светка появится в борделе, она тут же вызовет его. А вышибала Семен тем временем постарается задержать девицу. Однако Светка больше там не появлялась. Ее не было целых две недели, и это было очень похоже на то, что она затаилась после убийства старика Нудельмана.

А через две недели Володя от своего информатора в уголовке узнал про страшное убийство какой-то девицы на Молдаванке. Не сомневаясь, что его друг обязательно будет находиться там, он захватил камень и поехал по указанному адресу.

С камнем Сосновский блефовал. Он не был уверен, что у девицы был точно такой же. Но решил попробовать. И все получилось! О том же, что убита Светулик, Володя тоже догадался интуитивно – сказывался опыт расследования историй.

– Итак, убийство Светки связано с убийством Аарона Нудельмана, – подытожил Сосновский, обращаясь к погрустневшему Петренко.

– Да уж... Старик, работающий при синагоге, идет в бордель мадам Зои... – тяжело вздохнул тот, – и ищет проститутку по имени Светулик!

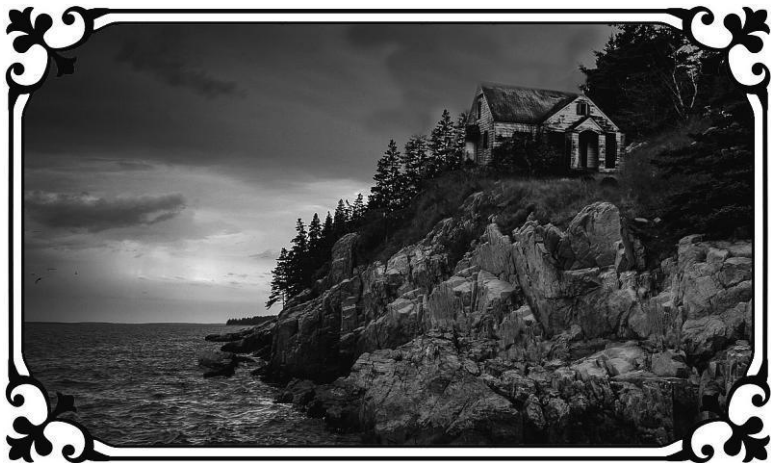
– Точно, – усмехнулся Володя.

– Точно... – перекинул его Петренко и вдруг, не сдержавшись, воскликнул, воздев очи горé:

– Что это за дикая хрень такая?!

Глава 5

Дом на Французском бульваре. Нэпман и Кира. Налет. Странный посетитель

Дом продувался со всех сторон, и даже при закрытых окнах в нем гуляли вечные сквозняки – может быть, потому, что рядом не было никаких строений, способных сдерживать безудержные воздушные потоки. Он стоял над обрывом, над самым морем. Когда-то давно это была одна из тех рос-

кошных дач, которые украшали Французский бульвар, сделав этот аристократический район настоящей жемчужиной Одессы, но мятежное, кровавое время не пощадило красоты архитектуры. Оно вихрем пронеслось над изящными особняками, уничтожая их, стирая с лица земли. Большинство хозяев этих особняков давно покинули Одессу, добрались до Парижа и теперь служили вахтерами, таксистами, чернорабочими, официантками и горничными на абсолютно чужой земле. Изящные рамы и двери вывернул, искорежил ветер, от французского стиля остались только почерневшие, разбитые камни, превратившие этот французский стиль в руины.

Правду сказать, какую-то часть строений, пригодных для жилья, не сильно пострадавших в результате кровавой войны, поправили на сколько могли и разбили на отдельные дома и квартиры. В некоторых виллах даже открыли санатории, особенно разрушенные снесли. А в остальных сделали множество вариантов для сдачи жилья – начиная от коммунальных квартир и заканчивая в целом неплохими домиками, в которых можно было поселиться, правда, за немалую цену.

Дом, о котором идет речь, уцелел после всех боев и даже во времена обстрелов с моря, когда корабли союзников деникинского десанта в попытках взять Одессу обстреливали склоны Французского бульвара. Уцелел он и среди строений, предназначенных новой, большевистской властью на снос. Может быть, потому, что находился не на самом Фран-

цузском бульваре. Чтобы его найти, нужно было свернуть с бульвара в совсем узкий, глухой переулок и пойти по направлению к морю. Можно сказать, что дом этот прятался от чужих – был он закрыт не только холмистой местностью, но и разросшимися деревьями, закрывавшими большую часть переулка.

Когда-то это была часть роскошной виллы, находящейся на Французском бульваре, – гостевой дом. Может, именно поэтому большая часть комнат первого этажа сохранились в целости и сохранности, имея вполне жилой, пригодный вид. Правда, этого нельзя было сказать о втором этаже, подвергшемся разрушению. Окна там были без стекол, часть крыши и стены – повреждены. Поэтому второй этаж заперли наглухо, а внаем стали сдавать только первый этаж. Да и то до того времени, пока власть не решит, что делать с этим унылым домом – сносить, восстанавливать, переоборудовать или отдавать под пролетарский санаторий, разрастающийся по соседству.

Желающих снять дом не нашлось. Сначала, как только было объявлено, что в доме можно поселиться за определенную плату, появилось довольно-таки много любопытствующих. Все это были нэпманы – люди, располагающие деньгами, а потому способные платить немалую арендную плату, назначенную новой властью. Но... постепенно поток желающих иссяк – люди ходили по дому, смотрели и уходили во свояси, не решаясь его снять. Все, как один, говорили, что

особняк выглядит уныло, навевает мрачные мысли... В нем наверняка живут призраки. А отдаленность не способствует безопасности тех, кто рискнет поселиться в нем.

Дом показывал местный сторож, дедок, который по совестительству работал в соседнем санатории. Он любил поговорить, а потому сразу же вываливал все: и легенду о проклятии старинного рода, которому принадлежал особняк, и то, как восставшие моряки высадились на берег и перебили всех обитателей дома, и так же вполне откровенно отвечал на вопрос, куда делись предыдущие жильцы все-таки жившие здесь уже во время большевистской власти. Откровенность состояла в подробном рассказе о том, что предыдущие жильцы все, как один, умерли от тифа, и трупы долго лежали в доме – в связи с его удаленностью.

После этого все желающие снять особняк разворачивались и уходили. А старик-сторож искренне не понимал, почему его такие интересные рассказы не вызывают у людей никакого желания погрузиться в такую необычную историю.

Но однажды все изменилось – появился невысокий полноватый мужчина с хитрым и нагловатым выражением глаз и, не слушая рассказней старика, вернее, никак на них не реагируя, моментально снял дом.

По вызывающей одежде мужчины, по массивному золотому перстню с неприлично крупным, просто вульгарным бриллиантом на указательном пальце левой руки в нем можно было угадать одного из тех наглых и предприимчивых

нэпманов, которые, бросаясь из одного дела в другое, сколачивали быстрые, но незаконные деньги.

И это была правда. Мужчина был известным валютчиком, работой которого было надувать своих деловых партнеров рассказами о лживых инвестициях, а затем, получив инвестиции настоящие, быстро исчезать в неизвестном направлении. Так он добрался до Одессы, где закрутил фальшивую аферу с поставками в городские санатории несуществующих медикаментов. Вложив полученные таким путем деньги в швейный бизнес, он сколотил удачливую артель. А затем надул с поставками муки сеть пекарен, в которые якобы планировал инвестировать значительную сумму. И при этом он не забывал заниматься валютными операциями, настоящим своим делом, которое и принесло ему славу в известных кругах.

Его еще не искали, но обстановка уже накалялась. Поэтому приближенные к нему недоумевали, зачем, вместо того, чтобы с прибылью рвать когти из Одессы, он решил здесь осесть и снял странный дом на Французском бульваре.

Предприимчивый делец никому ничего не объяснял. Поздним вечером того же дня, как был снят дом, он переехал, перевезя минимальное количество вещей и абсолютно ничего из мебели, и заперся. Так он провел целых три дня. Еду из магазина раз в сутки ему приносил его заместитель по валютным делам, совсем уж приближенное лицо, единственный, кто знал местонахождение своего хитрого начальника.

На четвертые сутки нэпман вышел из дома с округлившимся, каким-то неестественным лицом. И, сев в трамвай, который уже курсировал по Французскому бульвару, отправился в центр города. Там он зашел в небольшую ресторанцию «Бристоль», причем со служебного входа. И, легко ориентируясь в переплетении узких вонючих коридоров, каких не видят посетители, постучал в деревянную выщербленную дверь, больше уместную для сарая, чем для ночного клуба, хоть и второразрядного.

Там, за дверью, была примерная некой певички по имени Кира, с которой нэпман крутил в последнее время.

Кира, худощавая брюнетка со злым выражением бледного истощенного лица, лежала на старом диване и куталась в рваную шаль. Она думала о том, где взять деньги на оплату квартиры. Денег не было даже на то, чтобы оплатить этот месяц.

Дела на певческом поприще шли из рук вон плохо. Кире уже исполнилось сорок, хотя это не мешало ей безбожно врать всем, что ей 31. Голосок у нее был слабенький, внешность – тоже не очень. В Одессе она оказалась, сбежав из Москвы с неким графом, который обещал увезти ее в Париж. Но граф убыл в Париж один, а Кира осталась в Одессе, потому что возвращаться в родную Москву было бессмысленно – некуда и не к кому.

Как ни странно, когда к власти пришли большевики, Кира приняла их на ура – после графа она возненавидела всех

аристократов. Кира научилась петь революционные песни, и в первое время ей сопутствовал успех.

Большевикский комиссар, с которым она закрутила, устроил ее в театр, и дела ее пошли в гору. Но комиссара убили, и из театра Киру немедленно выгнали за склочный характер. Тут пришел НЭП, став для нее настоящим спасением – Кира принялась петь по разным кабаре и ресторанам, впрочем, не задерживаясь там надолго. Постепенно судьба занесла ее во второразрядный ресторан «Бристоль», где молоденькие, действительно молоденькие конкурентки как могли наступали ей на пятки. А оттого дела Киры с каждым днем шли все хуже и хуже – до тех пор, пока не стало совсем плохо.

Услышав стук и открыв дверь, Кира нахмурилась. С этим нэпманом она крутила одно время, но он оказался жадным, экономил на ней изо всех сил. А ведь ничто не раздражает женщину больше, будь то певичка из ресторации или почтенная дама, чем желание мужчины на ней сэкономить! Поэтому, разорвав отношения, Кира перестала воспринимать нэпмана всерьез, напоследок послав его – тоже всерьез. И вот после этого он явился вновь!

– Какого черта ты... – начала было Кира, но нэпман ее перебил:

– Я нашел! Теперь у меня будет куча денег! Вернее у нас! И мы сможем жить вместе! Вот! Это тебе!

Он всунул в ладонь Киры небольшую коробочку. Открыв ее, она ахнула – это был золотой браслет с алмазами и руби-

нами, по виду старинный. Кира разбиралась в камнях и сразу же прикинула, что если браслет заложить в ломбард, то за квартиру можно будет уплатить сразу за несколько месяцев. Всю ее неприязнь как рукой сняло. Она растаяла и бросилась нэпману на шею.

– Что же ты нашел? – она не могла сдержать любопытства.

– Клад! Настоящий клад, который владельцы особняка замуровали в стене и не успели взять с собою в Париж! – воскликнул нэпман.

– Ух ты! Как здорово! Покажешь? – лукаво посмотрела на него Кира.

– Ну конечно! Собирайся, поедем. Особняк, кстати, я снял. Так что мы вместе можем там жить.

Расщедрившись, нэпман даже заказал персональный автомобиль. Кутаясь в облезлое манто из котика, Кира внимательно слушала. Нэпман был воодушевлен.

– Ну, часть камушков придется продать, – сказал он как бы между прочим, – запишем на тебя и скажем, что они твои. Так будет проще.

«Конечно проще, дурень старый, – думала при этом Кира, – так я тебе и отдала деньги! Камушки продам, а деньги возьму себе. Давно уже пора начать новую жизнь!»

«Конечно проще, кошелка тупая, – думал при этом нэпман. – Если ЧК сядет на хвост – камушки твои, я тут ни при чем. А когда тебя зацапают с частью клада, я с оставшимся благополучно сделаю ноги».

Так они и ехали в полном согласии, обнимаясь всю дорогу. Они остановились на Французском бульваре. Расплатившись с водителем, нэпман помог Кире выйти.

– Холодно, – поморщилась она. – Долго еще?

– Тут придется пройтись, – нэпман пошел вперед, указывая Кире путь. – Ветер с моря, потому и холодно.

– Какой страшный дом... – Она застыла перед особняком, не решаясь в него войти. – Какое-то место ужасов... Как ты умудрился в нем переночевать хоть одну ночь?

– На самом деле четыре ночи, – ответил нэпман. – Я заперся и все время искал клад. Простукивал все стены, особенно на втором этаже. И наконец нашел – в стене за камином.

– А как ты узнал про клад? – Кире действительно было интересно.

– Да так, встретился с одним... – нехотя начал нэпман, но потом воодушевился. – Было это в Харькове. Выпили, разговорились. Он мне и рассказал, что в этом доме служил, когда хозяйева в Париж решили рвануть. Да не все успели. Кто-то смог, а кого-то перебил отряд, ворвавшийся в дом. Бои тогда были страшные в городе. А перед отъездом они часть денег и драгоценностей в стене спрятали. Думали, что скоро вернуться, что революция ненадолго. Многие так тогда делали. В общем, клад этот в стене. Так и лежал до сих пор.

– Как страшно... Почему же он сам не забрал клад, ну, тот, кто тебе рассказал? – поежилась Кира.

– Попал под поезд, – покосившись на нее, коротко ответил нэпман.

– В этом доме наверняка умерло много людей. Он такой зловещий... – Кира разглядывала все вокруг.

– Да уж... Умирили, как во всех старых домах. Время такое.

Они вошли внутрь. Истлевшие половицы застонали под их весом. Нэпман провел Киру в одну из комнат первого этажа. Он тщательно занавесил окна и зажег керосиновую лампу – электричества в особняке не было.

На столе стояла небольшая дамская шкатулка из резного красного дерева.

– Открой, – скомандовал нэпман.

Киру просто ослепило сияние драгоценных камней! Они были прекрасны – жемчуг, золото, камни... Ярко блестели золотые перстни и браслеты... Только нэпман знал, что это была только часть клада – основные богатства он припрятал, не собираясь открывать все свои карты.

– Ну, что, – улыбнулся он, обращаясь к Кире, – теперь ты будешь со мной?

– Ну конечно! Я уже давно люблю тебя! Ты мой любимый! – она бросилась ему на шею, сжала в жарком объятии. Кира была выше его на полголовы. И раньше этот факт был для нее отвратительным. Но теперь, казалось, этого она вообще не заметила.

– Подожди, – отстранил ее нэпман. – Я хочу тебе ска-

зять... признаться, вернее... Я женат. В Нижнем Новгороде живет моя жена и трое детей...

– Это ничего, – прошептала Кира. – Разве может это быть помехой истинной любви? Мне все равно! Я ведь люблю тебя.

При этом она подумала: «лживый старый козел!»

«Шкура», – подумал нэпман.

Они вместе накрыли на стол. Нэпман достал припасы, оставшиеся со вчерашнего дня. На столе появилась копченая колбаса, балык, хорошее вино. Когда сели ужинать, Кира не могла себя сдерживать: она ела с жадностью, буквально заглывая огромные куски, и по-простонародному облизывала пальцы. Пили за настоящее и за будущее. Планы обоих были красочны, как радуга. И в этих планах у обоих точно не было друг друга.

Внезапно раздался резкий треск, как будто что-то стукнуло в раму окна. Кира вздрогнула, едва не уронив бокал с вином.

– Ветер, – попытался успокоить ее нэпман, – ветер бьет в старые рамы на втором этаже. Я уже слышал такое.

Но Кира уже чувствовала, что дом полон таинственных шорохов и звуков. Вслед за рамой раздался скрип половиц. Камин не горел, но вдруг ветер завыл в трубе. Казалось, сквозь стены можно было слышать, как бушует и свирепствует буйное море.

Ей стало не по себе. Все пугало ее в этом доме – от шоро-

хов, скрипов и звуков, до глаз нэпмана, в которых она вдрут прочитала что-то очень неприятное. А что именно – сама себе не могла объяснить.

И тут раздался резкий стук – распахнулось окно. Ворвавшийся ветер едва не потушил лампу. К счастью, чадящий фитиль прикрывал стеклянный колпак. Нэпман поднялся, чтобы прикрыть окно. Задудло холодом, и в этот момент с настоящим грохотом распахнулась дверь, и в комнату ворвались вооруженные люди. Их было пятеро – четверо мужчин и молодая женщина, державшаяся позади остальных.

Мужчины моментально схватили нэпмана. Двое из них скрутили ему ноги и руки толстой пеньковой веревкой, бросили на стул. Омертвев от ужаса, Кира словно приросла к месту. Один из мужчин покрутил перед ее лицом пистолетом и почему-то прокричал:

– Сидеть!

Предупреждение было излишним – она и так сидела, никакая сила на свете не подняла бы Киру с места. Ей казалось, что от ужаса она теряет сознание.

Женщина, выдвинувшись из-за мужчин, неспешно пошла к столу, открыла шкатулку, ухмыльнулась при виде содержимого. И, резко захлопнув, бросила шкатулку в большую холщовую сумку, висевшую у нее на боку. Затем так же неспешно она повернулась к нэпману:

– Где остальное?

– Что?... Ничего больше нет... Это все... – Язык нэпмана

заплетался от страха, и вместо слов из его рта вырывалось противное блеянье. Бандиты заржали.

– Ты нас за фраеров держишь, шкурник? – ухмыльнулась женщина. – Повторяю второй раз и последний: где остальное?

– Христом Богом... вот как на ладони... больше и не было ничего! – застонал нэпман.

При всей трагичности ситуации Кира тем не менее приглядывалась к женщине. Она была молода, черноволоса, с короткой стрижкой, с тонкими, какими-то благородными чертами лица. Можно сказать, что она была очень красива, даже несмотря на неестественную бледность, покрывавшую ее кожу как гипсовая маска. Глаза женщины были грустны, но время от времени в них вспыхивало пламя, напоминая алые отблески. Одета она была по-мужски – в кожанку и штаны, заправленные в кирзовые сапоги.

– Алмазная, что мы с ним панькаемся? – вдруг произнес кто-то из бандитов.

Алмазная! Кира вздрогнула. Проведя по кабакам полжизни, она не могла не знать о ней. Так звали знаменитую бандитку-налетчицу, чье имя гремело когда-то вместе с именем бандита Кагула. Но Кагула убили. Говорили, что и Алмазная умерла. Выходит, нет, жива.

– Подвесьте его, – в глазах женщины снова заплясал огонь. Двое бандитов быстро сняли с крюка над столом керосиновую лампу, сдернули со стула нэпмана и, вывернув его ру-

ки назад, подвесили их на крюк. При этом нэпман вопил как резаный, не столько от боли, сколько от страха при виде этой импровизированной дыбы.

– Это кто написал? – Женщина швырнула ему в лицо какую-то записку. – Донос в ЧК на сожительницу, которая скрыла найденный клад от советского государства? Датированный завтрашним днем?

Нэпман вопил нечто нечленораздельное. Женщина обернулась к Кире:

– Дура ты. Подставить он тебя хотел с этими финтифлюшками. Опоить и бросить здесь. И снотворное наверняка припас. Завтра, когда сюда чекисты нагрянули бы, сам был бы уже далеко... А тебя в тюрьму. Дура ты, дура... Растягивайте, ребята!

Бандиты стали растягивать нэпмана на дыбе. Он кричал так, что эти крики могли поднять на ноги всю округу. Но дом стоял на отшибе. Наконец нэпман не выдержал, все сказал. Один из бандитов из трубы в старом, неработающем камине достал вторую часть клада – большой металлический сундук.

Женщина сожгла донос, а пепел бросила на пол.

– Уходи, – повернулась она к Кире, – никто тебя не тронет, если не будешь языком болтать. Слово Алмазной.

Кира рванула с места и побежала так, что у нее начало болеть в груди. Но, открывая трясущимися руками двери, она вдруг отчетливо и ясно услышала выстрел. И поняла, кто стрелял... Женщина... У нее был револьвер... Нэпмана

больше не было... Но Кира не собиралась по нему плакать – все-таки она осталась в выигрыше. У нее был браслет, и она могла заложить его в ломбард.

Туча деловито вошел в гостиную и вдруг замер. Гостя, который ранним утром появился в его доме, о котором его предупредили, он ожидал увидеть меньше всего. Из роскошного кресла в не менее роскошной гостиной Тучи поднялся цадик – раввин центральной синагоги Одессы, в которой Туча не появлялся много, очень много лет.

Раввин был уже стар, но Туча все-таки узнал привычные черты лица, знакомые ему еще с детства. Лоб раввина прорезали глубокие морщины, длинная борода стала белоснежной, а спина – сутулой, но в глазах его по-прежнему светилась глубокая мудрость и понимание.

Туча замер, не в силах сдвинуться с места. На него тут же нахлынули воспоминания детства, и он снова увидел родное, но такое далекое лицо мамы... Услышал голос отца. В детстве, с отцом, – именно тогда он был в синагоге последний раз. Было это еще до поступления в гимназию, где Туча бросил всю свою религиозность, которую пытались привить ему родители.

Как и большинство предприимчивых молодых людей, он считал религию ненужным грузом, противным балластом, который при первой возможности нужно будет выбросить за борт. А потом... Потом Богу больше не было места в той

жизни, в которой Туча оказался помимо собственной воли.

Он не вспоминал о синагоге долгие, долгие годы. И вот теперь строгое лицо правды посмотрело на него, подавив своей жестокой суровостью.

Родители Тучи давно умерли. В последние годы жизни они ничего не хотели знать о сыне, который вдруг стал одним из самых известных бандитов Одессы, правой рукой Мишки Япончика. Они ведь всегда были порядочны и честны... Для них Мишка Япончик был чем-то вроде многоголового дьявола, который мог прийти в каком-то кошмарном сне.

В последний путь Туча провожал родителей тайком. Да и был на их могиле всего два раза...

И вот теперь старый раввин, единственный свидетель его давно ушедшего детства, зачем-то пришел к нему.

– Ребе... – начал Туча дрожащим голосом и запнулся.

– Мир тебе, сын мой, – поклонился ребе, – ты уж прости за столь неожиданный визит.

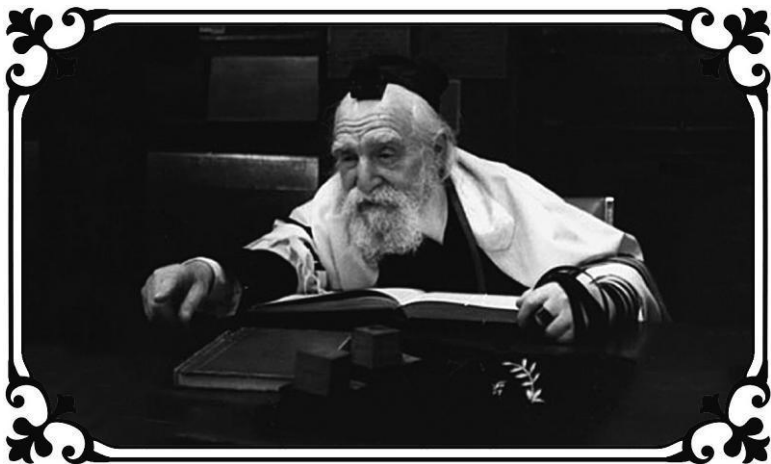
– Это вы простите меня, ребе, что не ходил в синагогу, – вдруг выпалил Туча, чувствуя, как краска расплывается по его лицу, – простите меня, ребе... Я денег пожертвую. Все, что нужно. Вы скажите только. Вы уж простите меня, – разнервничавшись, он забыл даже про привычный одесский язык, заговорил нормально.

– Не нужны мне твои деньги, – ребе печально покачал головой. – Разве сделали кого-то деньги счастливым? Нет, Изя, не за ними я к тебе пришел. А пришел я к тебе за помощью.

В очень серьезном деле.

Глава 6

Разговор с раввином. Сестра Тучи. Выздоровление Тани. Изольда Франц

Туча неловко переминался с ноги на ногу, чувствуя себя неуютно под пристальным, чуть печальным взглядом раввина. Как и все настороженные, хитроумные, но достаточно организованные люди, он очень не любил сюрпризов, таких вот неожиданных появлений, от которых он не знал, чего ждать.

К тому же Туча давно порвал со средой, представитель которой так неожиданно вошел в его жизнь этим пасмурным утром, породив кучу странных мыслей и сомнений, к которым он не был готов.

Как человек действия, Туча любил думать только о своих планах. Как человек жадный, он любил, чтобы его планы приносили доход. Как человек алчный, он хотел, чтобы доход его был намного больше, чем у всех остальных. Как человек хитроумный и практически лишенный моральных устоев, он пытался обвести всех окружающих вокруг пальца. Как человек осторожный, он думал, как остаться в безопасности, сохранить свои капиталы и не пострадать. Таков был его жизненный план. Раввин не вписывался никуда – ни в одну из этих категорий.

Туча не знал, что делать со всем этим, как вести себя с человеком, который так сильно отличался от него самого, который для него, Тучи, был пришельцем из совершенно другого мира. Мира, в котором он ничего не понимал. Оттого, растерявшись, не зная, как вести себя в подобной ситуации, он вдруг почувствовал нечто, сильно напоминающее раздражение.

Как нашкодивший школьник, Туча переминался с ноги на ногу. Вся кровь прилила к лицу. Он краснел стремительно, как и все полнокровные люди.

Зачем он явился, этот раввин? К нему, к бандиту? Пристыдить его хотел? Так это поздно. Как большинство людей,

привыкших преступать закон и живущих с азартом в крови, Туча ненавидел «воспитателей», читающих скучные, нудные нотации. Ведь они ничего, абсолютно ничего не знали о криминальном мире и при этом брались судить о нем.

Раввин с ходу заявил, что ему не нужны деньги. Туча этого не любил и не понимал. Он не верил людям, которым не нужны деньги, потому что понимал по собственному богатому жизненному опыту – это не может быть правдой. Такие люди лгут, а ложь страшна во всех своих проявлениях. Туча не встречал человека, которому не были бы нужны деньги.

Деньги двигали этим миром, и будь ты хоть за белых, хоть за красных, хоть за фиолетовых, каждый ради денег был готов абсолютно на все. Хоть душу дьяволу заложить. Так считал Туча. И был твердо уверен, что не ошибается в этом.

Была, правда, крошечная категория очень страшных людей – таких он тоже видел. Эти люди действительно не кривили душой, когда говорили, что им не нужны деньги. Но... Плату они брали другим, и это было гораздо страшнее и значительнее, чем деньги.

Они заставляли расплатиться честью, свободой, доверием, здоровьем, иногда – жизнью. Это было действительно страшно. Так что Туча навсегда усвоил, что лучше расплачиваться деньгами.

Но раввин – священнослужитель. Может быть, у него действительно была своя плата? Может быть, у тех, кому было открыто немного больше, чем всем остальным людям, было

какое-то свое, особенное отношение к деньгам?

В еврейской общине этот раввин заслужил славу цадика. Цадик – значит святой, благочестивый, светлый человек. Что было святого в старике, который смотрел на Тучу такими усталыми и печальными глазами?

На нем был поношенный, но аккуратный костюм. Стоптаные, но чистые ботинки. Снедала ли его страсть к деньгам, свойственная почти всем остальным людям?

Туча не знал. А потому краснел, как школьник, стоя в своей собственной гостиной, окна которой выходили на море – темное и бушующее, как его душа.

– Вы обращаетесь за помощью ко мне? – Он наконец сдвинулся с места, прошел через комнату и грузно опустился в кресло, которое заскрипело под его весом. – Чем я могу вам помочь? Я бандит. Чем я могу помочь святому человеку?

– Никого не стоит считать святым, – печально улыбнулся раввин. – Я такой же человек, как и ты, сын мой. Какое право мы с тобой имеем судить о святости, если нам обоим присуще столько грехов? А настоящая святость – разве ее кто-то видел в жизни?

– Какие же грехи свойственны вам, ребе? Чем так серьезно вы могли нагрешить?

– У каждого свои грехи. И каждый оценивает их по мере своей собственной совести. К примеру, гнев, который охватывает меня каждый раз, когда я думаю, сколько страданий перенес мой и твой народ и сколько еще перенесет.

– Вы о погромах? – Туча скривился. – Тут надо не гнаться, а действовать. Японец с отрядами самообороны останавливал погромы. С оружием, кстати, в руках. Но вы ведь пришли не из-за этого. Большевики не занимаются погромами, а даже останавливают их. Кстати, тоже с оружием. Так что погромы нам не грозят.

– Достаточно одного повода, чтобы вызвать ненависть тупой и злобной толпы, склонной винить в собственных бедах всех окружающих.

– Опять-таки, тут свойство человеческой природы. Тут уж я со всеми моими бандитами бессилен.

– Но мы говорили о поводе – достаточно дать один повод, и вековая ненависть вспыхнет с новой силой.

– Все это верно, но при чем тут я? – снова спросил Туча.

– Я пришел потому, что мне необходимо убрать, уничтожить этот повод для ненависти. И своими силами я это сделать не могу. – Цадик склонил голову.

– Ребе, давайте отделим мухи от котлет и малость поговорим за наш хипиш, который вот уже битый час треплет за наши холодные уши, – усмехнулся Туча. – Вам, ребе, не понравятся мои методы решения проблем. Вы плохо представляете себе, кого вы просите о помощи. Для нас замочить, как об локоть высморкаться. Мокруха да разборки – вот так мы решаем проблемы. Вы такого решения хотите, ребе?

– Я вынужден пойти на такой риск. Если я это не сделаю, погибнет больше, – смиренно ответил цадик.

– Вы меня за шкуру пугаете, ребе! – воскликнул Туча. – Слушайте, шо за жуткий хипиш на постном масле?

– Исаак... – заговорил цадик. – Изя, я знаю тебя с детства. К сожалению, мы с тобой редко виделись в последние годы. Но такова жизнь. Судьбы людей в наше время расходятся в разные стороны. Их и не собрать. Но я обращаюсь к тебе не только как к... бандиту. Я обращаюсь к тебе как к человеку, который должен пожалеть свой народ.

– Э, ребе... Потише, – поднял руку Туча. – В последние годы всех так зашмалило да зашкворчило, шо и черт не разберет, хто есть хто! Кого только нет среди моих людей! И евреев предостаточно. И всех остальных тоже. Один у меня народ, ребе, – это те люди, которые мне доверились, вот за них я буду горой.

– Хорошо, я понял тебя. Я заплачу, сколько ты скажешь, – цадик снова склонил голову.

– Вы меня обидеть хотите? – воскликнул Туча. – Совсем за ссученого держите, да? Шоб я у вас денег взял? Кто я буду после этого? Знаю, шо вы меня ни в жисть не уважаете, так не скворчите-то по глазам так явно!

– Нет, Изя, ты не так меня понял, – замотал головой цадик. – Я не хотел тебя обидеть. Просто я говорю по справедливости: почему ты должен тратить на меня время и оказывать помощь просто так? Но если действительно ты поможешь мне по старой памяти, я буду очень благодарен.

– Э, да вы расскажите для начала, что произошло! Может,

это дело и яйца выеденного не стоит. Может, я его порешаю на ша, вот защелкну пальцем...

– Нет, Изя, – лицо раввина стало совсем грустным, – боюсь, что нет.

– Ну, да не тяните вже кота за хвост! У бедного щас мордебэйцелы за гланды вылупятся! Не на Привозе с вами встретились, шоб за так торговаться.

– Хорошо, Изя, я просто не знаю, с чего начать.

– Да начните вже с начала, вэйз мир! – хлопнул руками по коленям Туча.

В этот момент дверь в комнату открылась, и вошла женщина. Она была молода и очень бледна. Ее лицо выглядело осунувшимся, в нем абсолютно не было красок. А ведь женщина была красива – чего стоили только коротко стриженные черные волосы и выразительные глаза, хотя на лице не было ни грамма косметики.

На ней было черное платье ниже колен, в руках она держала темное пальто.

– Я только приехала... – Женщина нерешительно стала на пороге, не закрывая за собой дверь. – Извини, не знала, что ты занят. Я зайду попозже, погуляю пока.

– Танюш... Ты приехала! Вот здорово! – Туча вскочил с дивана, радостно заулыбался. – Подожди немного, скоро освобожусь.

Старик раввин смотрел на женщину с таким вниманием, так пристально, что она даже поежилась под этим пронца-

тельным колючим взглядом. Туча нахмурился и как бы в пикку гостю едко произнес:

– Ребе, разрешите представить. Это моя сестра, Татьяна.

– Сестра? – Раввин удивленно вскинул брови. – Но, насколько я помню, ты единственный ребенок в семье!

– Сестра не по крови. По духу! – с вызовом сказал Туча.

– Вы Алмазная, не так ли? – вдруг прямо спросил раввин.

Таня (а это была именно она) всегда ценила прямоту в людях. А потому так же прямо ответила:

– Да, это я.

– Сочувствую вашей утрате, – осторожно произнес раввин, – я буду молиться о вас.

– Благодарю... – Таня нахмурилась, – но как вы...

– Слухами земля полнится. Видите, я тоже умею собирать информацию. И я слышал о том, что вы пережили. А потому я очень попрошу вас остаться здесь, с нами, и принять участие в нашем разговоре.

– Зачем? – одновременно вырвалось у Тучи и у Тани.

– Я много слышал об Алмазной, – раввин посмотрел на Тучу, – наводил справок. И знаю, что вы, мадам, умеете разгадывать логических загадок. Моя загадка очень тяжела, и я был бы рад, если бы вы смогли помочь моему другу Исааку. И это отвлечет вас от мрачных мыслей, поможет пережить вашу трагическую утрату.

– Мою утрату ничто не поможет пережить, – глухо ответила Таня, – но я с радостью помогу моему другу Туче... то

есть Исааку. Конечно, если он не будет против.

– Только за! – Туча поднял глаза вверх. – Пусть этот гембель рухнет и на ее голову! Ей такой кирпич привычнее будет. А меня обойдет стороной. Садись, Танюш.

Таня осторожно присела на край кресла, чувствуя некое напряжение – слишком нестандартной была эта ситуация. Она не поверила словам раввина – уж слишком острыми и пронизательными были его глаза! Он оставил ее – но зачем? Таня готова была поклясться, что не просто так. Любопытство ее уже было разбужено. А пока, приготовившись слушать, она небрежно скользила глазами по гостиной Тучи, которую знала как свои пять пальцев.

Сколько времени она провела здесь? Тогда Таня потеряла счет дням, находясь между жизнью и смертью.

После смерти Наташи она не помнила абсолютно ничего. Мозг ее балансировал на грани безумия, в которое она погружалась все глубже и глубже. Иногда ей казалось, что ее засасывает черная бездна, в которой нельзя издать ни звука, нельзя раскрыть глаза.

Позже Туча рассказал Тане, что сразу после смерти Наташи перевез ее к себе на виллу, нанял сиделок и врачей, доставал из-под полы самые лучшие медикаменты. Но разве могут существовать медикаменты, которые лечат такую боль?

Таня перестала узнавать окружающих. Временами теряла сознание, и это было похоже на кому. Мозг ее не вынес

напряжения. У нее началась мозговая горячка, которая, как оказалось позже, и спасла ее рассудок.

Лихорадочное состояние с очень высокой температурой было очень опасным. Таня почти не приходила в сознание, и врачи были уверены, что ей осталось всего несколько дней.

Но молодой организм начал брать свое. К удивлению всех, Таня постепенно стала поправляться. Вскоре спал жар, исчезли мучающие ее приступы лихорадки. Потом перестали выпадать волосы, возвращалось сознание. И Таня начала задавать вопросы.

За то время, что она лежала в беспомощности, Оксана избавилась от всех вещей Наташи, чтобы ничто больше не могло вызвать приступ. Она тоже переехала на виллу Тучи и преданно ухаживала за Таней. Может быть, благодаря ее самоотверженному уходу Таня и стала поправляться.

Когда сознание ее окрепло, наблюдавший ее психиатр сказал, что тянуть больше нельзя. Необходим удар. Следует рассказать все.

Будет одно из двух – либо сознание окончательно сломается, либо исцелится полностью. Горе надо пережить и оплакать. Непонимание и лживая надежда убивают верней ножа. Поэтому нужно дать возможность организму самостоятельно справиться с потрясением. Таня должна услышать всю правду и осознать, что произошло. Другого пути нет.

И Туча рассказал – скупое, по-мужски, без излишних эмоциональных подробностей, называя только сухие, жесткие

факты. Таня снова потеряла сознание. Потом очнулась. С ней случилась истерика. Несколько часов она страшно плакала, заходясь в таких рыданиях, от которых у всех, кто находился на вилле, разрывалось сердце. Но потом она стала стремительно выздоравливать. Здоровый рассудок вернулся к ней. Таня стала учиться самому тяжелому жизненному умению из всех – умению жить со своей утратой.

У нее это получилось. Сильная воля давала о себе знать. Таня поднялась с постели, начала двигаться, снова стала красиво одеваться. Она осталась жить.

Единственное, о чем не сказал ей Туча, из какой-то странной, совсем не свойственной ему стыдливости, – это о Володе Сосновском. Туча много видел, знал и пережил в своей жизни. Но слов, которые Сосновский бросил в лицо убитой горем матери, он не мог понять.

Перед Тучей раскрылся какой-то страшный момент, осознать который он был просто не в состоянии. А потому об этом предпочел промолчать.

Не рассказывал Туча также о том, как стремительно стал гибнуть Володя Сосновский. На самом деле Туча внимательно следил за его судьбой все это время. Но Таня не вспоминала о Володе. За все это время – ни слова. И Туча не знал, радоваться этому или печалиться.

А потом у Тани появилось развлечение, и даже некая цель, которая еще скорее заставила ее вернуться к жизни. Она стала замечать, что Туча и Оксана явно равнодушны друг к

другу.

То, что Туче нравится Оксана, Таня увидела давно. Но очень скоро и Оксана влюбилась в Тучу, безбожно его идеализируя – по романтичности и неопытности своей натуры. Таня не стала ее разочаровывать. Ей вдруг страшно захотелось их поженить.

Но ее мучила жуткая мысль – мысль о том, что всем, кто окружает ее, она приносит только беды и отчаяние. Возможно, это было следствием ее жутких грехов, в которых она не всегда отдавала себе отчет. Тане вдруг стало казаться, что если она устроит благое дело, сделает счастливым своего друга, то судьба будет более благосклонна и милостива к ней, избавит ее от бед. Глупая, конечно, мысль, но Таня принялась интриговать изо всех сил. И вскоре усилия ее увенчались полным успехом – Туча и Оксана поженились.

На свадьбу Таня не пошла – не могла из-за своего траура. Но сразу после свадьбы Тучи она упросила друга разрешить ей жить отдельно. Таня хотела этого очень давно. Она чувствовала, что готова вернуться в нормальную жизнь, и очень хотела попробовать.

Туча сначала долго не решался. Консультировался с психиатром и доктором Петровским, который принимал самое активное участие в судьбе Тани. Оксана даже плакала, говорила, что будет скучать. Но Таня убедила ее, что видеться они будут очень часто, приезжать друг к другу в гости.

За это время Туча стал большим человеком в городе. Он

создал тесные деловые отношения с руководством большевиков, которые так же любили деньги, как и все остальные люди. К тому же НЭП быстро приучил чиновников к взяткам. А потому дела Тучи стремительно пошли в гору.

Заплатив кому следует, он добился настоящего ордера на жилье. Таня получила первое и единственное в жизни *свое* жилье – комнату в 23 квадратных метра в большой коммунальной квартире, в доме на углу Торговой улицы и улицы Пастера. Она была большой и светлой, с окнами, выходящими на солнечную сторону. Это было первое в жизни Тани жилье, откуда ее уже никто не мог выгнать. А в ордере на получение жилплощади стояли ее имя и фамилия – Татьяна Ракитина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.